Ермак,

трагедия
в пяти действиях,
в стихах,
сочинение
Алексея Хомякова.

ЕРМАКЪ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ,

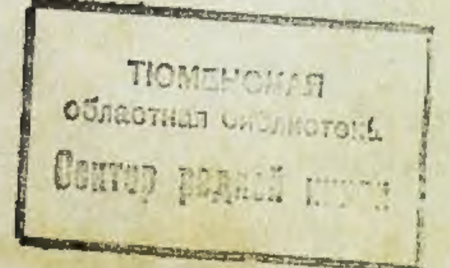
СОЧИНЕНІЕ

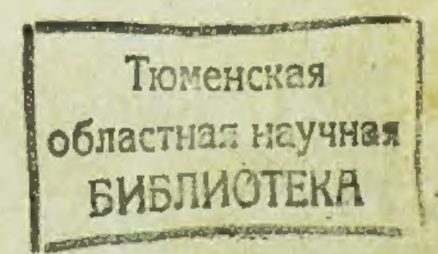
АЛЕКСѢЯ ХОМЯКОВА.

„Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ
„поможетъ, то и по смерти нашей память
„наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава
„наша вѣчна будетъ." Слова Козаковъ.

Лѣтоп. Сиб. изд. Спасск. стр. 35.

МОСКВА.
Въ Типографіи Семена Селивановскаго.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1831 года Августа 10 дня. *Ценсоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ЕРМАКЪ ТИМОѲѢЕВИЧЬ

Завоеватель Сибири.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ермакъ, Атаманъ Козаковъ.

Тимоѳей, отецъ его.

Ольга, его невѣста.

Софья, ея подруга.

Кольцо, Мещерякъ, — Есаулы Ермаковой дружины.

Заруцкій, Сотникъ той же дружины.

Шаманъ Сибирскій.

Козаки.

Остяки.

Всѣ дѣйствія происходятъ въ Сибири, кромѣ втораго, на берегахъ Оки.

ЕРМАКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ площадку во внутренности стана, вдали, палатки обнесенныя стѣною.

Явленіе 1.

Козаки

(безоружные сидятъ около огня и стоятъ, чистя оружіе. Вдали на стѣнѣ перекликаются).

Слушай!
Слушай!
Слушай!
Слушай!
Слушай!

1-й Козакъ.

Что такъ давно замолкъ ты нашъ пѣвецъ?
Пропой намъ пѣснь про милую отчизну,
Про тихій Донъ и мирныя поля,
Съ которыми на долго мы разстались.
Ахъ! дастъ ли Богъ увидѣть ихъ опять?

2-й Козакъ.

Что, други, пѣть, когда на сердцѣ горесть,
Когда лишь смерти ждемъ мы каждый часъ
Въ землѣ чужой, въ пустыняхъ безпредѣльныхъ?
Нѣтъ, не видать ужъ намъ Руси святой!

1-й Козакъ.

Да, не къ добру залаяли лисицы,
Когда мы въ темный лѣсъ вчера зашли.

3-й Козакъ.

А слышалъ ты, какою шумной тучей
Носилися надъ нашей головой
Стада какихъ-то черныхъ птицъ? Кириловъ,
Смотря на нихъ, какъ мертвой поблѣднѣлъ.

2-й Козакъ.

А старику извѣстны всѣ примѣты...

1-й Козакъ.

Его отецъ могущій былъ колдунъ,
И передалъ ему свое искусство.

4-й Козакъ.

Да Атаманъ не вѣритъ никому;
Не знаетъ онъ ни страха, ни преграды:
Безтрепетно, съ спокойною душой
Стремясь къ боямъ, стремясь на подвигъ славный,
Онъ смѣлою стопой откроетъ путь,
Гдѣ пробѣжитъ лишь хищный звѣрь дубравный,
Лишь вѣтеръ горный можетъ дуть.

Явленіе 2.

Тѣже и старый Козакъ.

Старый Козакъ *(входитъ вооруженный).*

Какая ночь! Я обошелъ дозоромъ
Вкругъ нашихъ стѣнъ, вкругъ дремлющихъ шатровъ
И весь прозябъ. Ужасно вѣтеръ свищетъ,
Волнуя по полямъ сѣдый туманъ,
По небесамъ какъ путникъ запоздалый
Средь черныхъ облаковъ бредетъ луна;
И съ пѣною разя въ крутыя скалы
Въ рѣкѣ шумитъ сердитая волна:
Но что жъ, друзья, такъ поздно засидѣлись,
О чемъ теперь бесѣдовали вы?

1-й Козакъ.

Не объ весельѣ, Власій, а объ горѣ.

2-й Козакъ.

О томъ, что насъ Ермакъ туда завелъ
Откуда намъ на Русь не воротиться.

3-й Козакъ.

Костями ляжемъ мы въ землѣ чужой.

Старый Козакъ.

Ну полно, братъ, о чемъ тутъ горевать?
Ты знаешь самъ, что смерти не минуешь;
И все равно, гдѣ долгимъ сномъ заснешь,
На берегу-ль своей рѣки родимой,

Или въ странѣ безлюдной и пустой.
Вездѣ крѣпка и холодна могила,
И ласкова къ намъ мать сыра́ земля.

1-й Козакъ.

Конечно такъ!

2-й Козакъ.

Все правда.

3-й Козакъ.

Я не спорю,
Однако же не худо бы пожить.

2-й Козакъ.

Ахъ! для чего послушались мы слѣпо
Когда насъ Атаманъ повелъ въ Сибирь?

Старый Козакъ.

Эхъ братцы! съ нимъ не станешь много спорить.
Повѣрьте мнѣ, я знаю Ермака:
Не званіемъ, не властью Атаманской
Вселяетъ страхъ онъ въ смѣлыхъ Козаковъ.
Нѣтъ! Власть свою онъ получилъ отъ Бога.
Безстрашныхъ птицъ не мало въ небесахъ;
Когда жъ орелъ, ихъ сизый Царь, летаетъ,
Не всѣ-ль онѣ спускаются къ землѣ?
Таковъ нашъ Атаманъ. Когда хотите,
Я разскажу вамъ, какъ онъ избранъ былъ.

Всѣ Козаки.

Скажи, скажи!

Старый Козакъ.

Мы плыли въ низъ по Волгѣ. . .

1-й Козакъ.

Тсъ! Атаманъ идетъ сюда.

3-й Козакъ.

Смотри,

Какъ онъ печаленъ!

1-й Козакъ.

Да, теперь не даромъ

Печаленъ онъ.

Старый Козакъ.

Послушайте друзья!

Пойдемте лучше въ ставку. Пусть съ собою

Раздумаетъ онъ общую бѣду.

3-й Козакъ.

И вправду, какъ Ермакъ нахмуритъ брови,

Такъ отъ него подалѣ отходи.

Явленіе 3.

Ермакъ (*одинъ безъ оружія*).

Проклятіе отца! въ душѣ моей

Ты возлегло какъ тягостное бремя.

Всегда, вездѣ ты слѣдуешь за мной

Какъ грозный гласъ неотвратимой кары;
Всечасно слухъ тебѣ внимаетъ мой
Средь бурныхъ сѣчь, среди побѣдныхъ кликовъ,
Среди молитвъ, средь тишины ночной.—
Гдѣ отдохнуть? Чѣмъ сердцу возвратится
Невинная безпечность юныхъ дней?
Когда нибудь въ груди моей усталой
Возстанетъ ли счастливая заря
И тишины и мира и покоя?
Звѣзда отрадъ, средь черныхъ жизни тучъ
Блеснетъ ли мнѣ твой свѣтлый лучъ?
Воспоминанья! Вы вокругъ меня тѣснитесь,
Пылаете въ сердечной глубинѣ:
И адскій духъ, грядущей вѣстникъ муки,
Тамъ написалъ негаснущимъ огнемъ
Слова: »разбой, убійство и проклятье!«
Забвеніе! вотще зову тебя!
Живешь ли ты надъ свѣтлыми звѣздами,
Слети ко мнѣ, о Ангелъ тишины!
Слети; коснись холодными перстами
Груди моей, горящаго чела!
Ты лучше счастья; твой сосудъ цѣлебной
Есть неба даръ, всѣхъ лучше благъ земныхъ!
Дай омочить уста въ струѣ волшебной
И совѣстью уснуть хотя на мигъ.

(Малое молчаніе.)

И вотъ оставилъ я свой край родимый,
Извлекъ я мечь, чтобъ за Россію мстить,
Изгладить стыдъ свой, съ Небомъ примириться
И укротить Сибирскаго Царя.

Меня влекла невидимая сила
Въ далекій путь чрезъ горы и лѣса.
И пало всё, и всё мнѣ покорилось;
И я стою на брегѣ Иртыша!
Ужъ вижу я Сибири гордой стѣны,
Уже насталъ послѣдней битвы часъ!...
О счастіе! Побѣда! и вѣнцами
Еще украсится глава моя;
И имя громкое я передамъ потомкамъ,
И съ славою въ могилу лягу я..
Меня пѣвцы... Опомнися, безумный!
Куда летишь надмѣнною мечтой?
Ермакъ! Ермакъ! что вѣчный стыдъ твой смоетъ?
Ты вождь разбойниковъ! Какой вѣнецъ
Твое чело преступное покроетъ?
Ермакъ! Ермакъ! тебя проклялъ отецъ.

(Малое молчаніе.)

Но я свершу предпринятое мною.
Безъ сладостной надежды, безъ наградъ,
Пройду я путь указанный мнѣ небомъ,
Путь примиренья, но кровавый путь.
А ты, Сибирь, подвластная Россіи,
Цвѣти, цвѣти надъ гробомъ Ермака,
Какъ памятникъ раскаянья — не славы,
Какъ памятникъ моихъ горючихъ слезъ!
Ахъ можетъ быть, тогда проклятье сниметъ
Съ главы моей прощающій отецъ,
И съ благостью и съ миромъ наконецъ
Земля мой прахъ въ свои объятья приметъ.

(Садится на камень, въ сторонѣ, подъ деревомъ.)

Но я усталъ, глаза смыкаетъ сонъ...

Ахъ! не уснутъ въ душѣ моей печали!

(Ложится на камнѣ.)

Небесный Царь, благослови меня!

(Засыпаетъ.)

Явленіе 4.

Ермакъ *спящій, входятъ* Мещерякъ, Заруцкій, и нѣсколько старыхъ Козаковъ.

Мещерякъ *(продолжая рѣчь.)*

Скажите имъ, что завтра съ раннимъ солнцемъ
Увидимъ мы безчисленныхъ враговъ;
Что войска новыя изъ странъ далекихъ
Стекаются вокругъ Сибирскихъ стѣнъ;
Что побѣжденные мы не найдемъ спасенья,
Что побѣдители мы мира не найдемъ;
Повѣрьте мнѣ, вспылаетъ бой за боемъ,
И изъ земли, гдѣ палъ сраженный врагъ,
Противу насъ сто мстителей возстанутъ.
Труды и битвы, битвы и труды:
Вотъ всѣхъ побѣдъ, всѣхъ подвиговъ награда!

Одинъ изъ Козаковъ.

Ты правду говоришь: но можетъ быть
Еще спасетъ насъ счастье Атамана.

Мещерякъ.

Надѣяться на счастіе! глупецъ!
Вѣрь тишинѣ обманчиваго моря,
Словамъ врагà, любови женской вѣрь,
Но счастію не вѣрь! оно измѣнитъ.
Я вамъ, друзья, отъ сердца говорилъ,
Я не сокрылъ отъ васъ своей печали,
И съ горестію повторю вамъ....
Но дѣло сдѣлано; теперь ужъ поздно!
Вы помните, уже давнымъ давно
Я предсказалъ бѣду.

Козаки.

Да, помнимъ, помнимъ.

Мещерякъ.

Да нѣтъ! тогда не слушали меня..
Подите! сонъ передъ сраженьемъ нуженъ.

(Козаки уходятъ.)

Явленіе 5.

Тѣже, кромѣ Козаковъ.

Мещерякъ *(разхаживая въ безпокойствѣ).*

Ермакъ, да Атаманъ! Всё рѣчь одна
Въ устахъ толпы. Мои усилья тщетны!
Для нихъ онъ Богъ, онъ посланный небесъ,
Онъ имъ залогъ и счастья и побѣды.

Заруцкій! Вся душа моя кипитъ
Досадою, отчаяньемъ, враждою;
Заруцкій! я лишился всѣхъ надеждъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Стыдись! придетъ и наша череда:
Не такъ же ли, какъ ты, я недругъ Атаману.

МЕЩЕРЯКЪ.

Какъ я? Нѣтъ! нѣтъ! твой братъ не умерщвленъ;
Не Ермакомъ разрушены надежды
Сіявшія въ твоей младой душѣ:
Ты никогда руки нетерпѣливой
Не простиралъ на Атаманскій мечь.
А я!... Ермакъ мнѣ болѣ ненавистенъ
Чѣмъ цѣпи рабскія, чѣмъ смерть сама.

ЗАРУЦКІЙ.

Да! Сладокъ онъ, сосудъ кровавый мщенья!
И я, какъ ты, въ немъ жажду утолю;
И я, какъ ты, въ душѣ своей храню
Безмолвный гнѣвъ и память оскорбленья;
И чувствую, что скоро онъ придетъ
Счастливый день, давно желанный мною,
Когда Ермакъ заплатитъ кровью намъ,
Тебѣ за брата смерть, мнѣ за обиду.

МЕЩЕРЯКЪ.

Ахъ сколько разъ надежда льстила мнѣ,
И сколько разъ я ею былъ обманутъ!
Безсильны мы противу Ермака!

Всегда, вездѣ, слѣпымъ водимый счастьемъ
Надъ нашей местію смѣется онъ.

Заруцкій.

Пусть онъ высокъ, пусть онъ хранимъ судьбою,
Онъ долженъ пасть.—Кто въ памяти своей,
Кто сердца въ безднѣ сокровенной
Такъ какъ залогъ святой, какъ кладъ неоцѣненной,
Обиду хоронитъ, ей дышетъ, ей живетъ:
Тотъ поздно-ль, рано ли для мщенья часъ найдетъ.

Мещерякъ.

Ты правъ, ты правъ! О, другъ мой, ты не можешь
Постичь вражду, кипящую во мнѣ,
Когда бы съ юныхъ лѣтъ,—нѣтъ, съ колыбели
Ты мысль одну лелѣялъ и питалъ;
Когда бы всѣ надежды, всѣ желанья
Ты въ ней и въ ней одной соединялъ;
И видѣлъ наконецъ, свершались ожиданья,
Къ мечтѣ своей ты руку простиралъ,
И въ этотъ мигъ. . . пришелецъ ненавистный
Вѣнецъ трудовъ похитилъ у тебя!
Тогда бъ ты могъ понять мои мученья;
Тогда бъ ты могъ въ душѣ моей читать.
Съ тѣхъ самыхъ лѣтъ, какъ стали проясняться
Мечты не зрѣлыя въ младенческой главѣ,
Я помню: всѣ въ одну соединялись,
Въ одну лишь мысль стекалися онѣ.
Я росъ: она со мною возрастала:
Всѣ страсти юности слилисъ въ нее;
И ей одной вся грудь моя пылала,

Въ ней видѣлъ я, и жизнь и бытіе.
Я ночью сна, я днемъ не зналъ покоя:
Сжигаемый огнемъ души моей,
Какъ часто среди хлада, среди зноя
Бѣжалъ я въ глубь свободную степей!
Я не желалъ любви и наслажденья,
Я не хотѣлъ ни злата, ни богатствъ,
И рано оцѣнилъ я призракъ славы.
Но властвовать, другимъ повелѣвать —
Вотъ, вотъ къ чему мое рвалося сердце,
Вотъ, что одно плѣняло юный духъ.
За чемъ разсказывать, какъ въ слѣдъ за сей мечтою
Стремился я и въ мирѣ и въ войнѣ;
Какъ часто былъ обманутъ я надеждой,
Какъ горько объ обманахъ слезы лилъ!
Но сердце пылкое, какъ волны отъ оплота,
Кипѣло все свирѣпѣй и сильнѣй.
Я къ Козакамъ пошелъ.—И тутъ, казалось,
Я достигалъ вѣнца надеждъ своихъ.
По Волгѣ, по степямъ мое гремѣло имя
И Козаки, дивясь моимъ дѣламъ,
Мнѣ Атаманской мечь вручить хотѣли.
И вдругъ!...

Заруцкій.

Ермакъ пришелъ.

Мещерякъ.

Да: онъ пришелъ
Съ нимъ было всё, и счастье и побѣда,
И мужество и слава чудныхъ дѣлъ.

Онъ первый родины прешелъ границы,
И въ чуждый край помчалъ разбой и брань.
Я былъ забытъ: онъ избранъ въ Атаманы,
И я, я самъ ему свой голосъ далъ.

Заруцкій.

Ты? но скажи, какое ослѣпленье!
Ты уступилъ ему свои права,
Ты отдалъ плодъ трудовъ своихъ и крови!
О, лучше бъ умереть.

Мещерякъ.

Нѣтъ: лучше мстить.
Что могъ я противъ всѣхъ? Мой слабый голосъ,
Какъ чайки крикъ средь шумныхъ бурь морскихъ,
Потерянъ былъ бы средь рукоплесканій;
И легче бури эти укротить,
Чѣмъ усмирить восторгъ толпы безумной.
Что могъ я? Онъ являлся среди насъ
Какъ нѣкій сынъ возвышеннаго міра;
Безтрепетный, не знающій преградъ,
Непобѣдимый. Онъ всё увлекалъ съ собою
И силою и прелестью рѣчей,
И пламенемъ души непостижимой;
И на его задумчивомъ челѣ,
Казалося, природа положила,
Могущества, владычества печать.
О! я отмщу!

Заруцкій.

Но мы теряемъ время.

Мещерякъ.

Заруцкій! Нѣтъ, не кровію одной,
Но славою, но честію своею,
Но всемъ, чѣмъ онъ досель гордиться могъ,
Заплатитъ онъ!

Ермакъ *(спящій).*

Отецъ мой.

Мещерякъ.

Что я слышалъ?
Кто говорилъ?

Заруцкій

(подходя къ камню, на которомъ спитъ Ермакъ).

Ермакъ!

(Мещерякъ хватается за кинжалъ).

Остановись!
Въ семъ голосѣ судьба намъ говорила,
Объ осторожности напоминая намъ.

Мещерякъ *(задумчиво).*

Онъ спитъ!... Заруцкій, ты иди по стану,
Сзывать друзей и возмущать толпу.
Напоминай минувшія страданья;
Страши картиною грядущихъ бѣдъ;
Льсти суевѣрію сердецъ безсильныхъ
Льсти всѣмъ страстямъ. О, если бы хоть разъ
Съ улыбкою ко мнѣ судьба склонилась,
И месть моя достойно совершилась,
Тогда, тогда, приди мой смертный часъ!
Иди.

(Заруцкій уходитъ.)

Явленіе. 6.

Мещерякъ и спящій Ермакъ.

Мещерякъ.

Онъ спитъ! вокругъ насъ все безмолвно,
Какъ будто бъ въ гробѣ *(подходя ближе къ Ермаку.)*
Сонъ его глубокъ...
Онъ могъ бы вѣчнымъ быть!... одно движенье,
Одинъ ударъ, и никогда заря
Его къ боямъ и къ славѣ не пробудитъ.
Вездѣ покой, и въ станѣ шумъ умолкъ...
Что жъ медлю я, чего еще страшуся?
Свидѣтеля не будетъ на меня.
Никто меня не видитъ. Ночь сгустила
Непроницаемый и дружескій покровъ.
Луна сокрылася: однѣ лишь звѣзды,
Небесъ всегда открытыя глазà,
Вдали надъ головой моей мерцаютъ,
И, кажется, взираютъ на меня.
Пусть смотрятъ.
(Вынимаетъ кинжалъ.)
Пусть свидѣтелями будутъ,
Ихъ голосà не слышны на землѣ.
(Почти нагнувшись надъ Ермакомъ.)

Явленіе 7.

Тѣже и Кольцо (входитъ).

Кольцо.

Гдѣ Атаманъ?

Мещерякъ (спрятавъ кинжалъ.)

Онъ спитъ на этомъ камнѣ.
Но для чего ты ищешь Ермака?

Кольцо.

У нашихъ стѣнъ стоитъ посолъ Кучума.

Мещерякъ (указывая на Ермака).

Что жъ? разбуди его.

Кольцо.

Нѣтъ: подождемъ.

Мещерякъ.

Но посланный?...

Кольцо.

Ермакъ проснется скоро.
Его глаза смыкаетъ рѣдко сонъ,
И коротки часы его покоя.

Мещерякъ.

Ты этотъ сонъ покоемъ называешь?
Смотри сюда, послушай какъ онъ стонетъ!
Не кажется-ль, какъ будто бы душа

При каждомъ вздохѣ вырваться готова?
Устà дрожатъ; рука въ мученьяхъ сжата,
И на челѣ холодный вышелъ потъ.

Кольцò.

Ты что-то странно говоришь. Сей видъ
Тяжелаго, несноснаго мученья,
Уже ль твой взоръ и душу веселитъ?
Когда бъ я зналъ!

Мещерякъ.

О нѣтъ! я только думалъ
О томъ, что хоть Ермакъ и Атаманъ,
Но не счастливѣе онъ Козака простаго.
И что не всё то злато, что блеститъ.

Кольцò.

Послушайся меня: будь осторожнымъ!
Давно я замыслы твои проникъ;
Твою вражду, твое я сердце знаю;
Но берегись.

Мещерякъ.

Не думаешь ли ты, своей угрозой
Меня пугать!...

Кольцò.

Молчи, У Ермака
Спокойствіе въ лицѣ изобразилось,
И на глазахъ его блеститъ слеза.
Онъ просыпается.

Ермакъ *(просыпаясь, садится на камнѣ).*

О мой отецъ!
Но гдѣ же онъ?... Ахъ! Это лишь мечтанье!
Какой чудесный сонъ! Кольцо, ты здѣсь?
И Мещерякъ? Друзья, какія вѣсти?

Кольцо.

При входѣ въ станъ Сибирскій ждетъ Посолъ.

Ермакъ.

Что онъ принесъ?

Кольцо.

Дары и рѣчь о мирѣ.

Ермакъ *(вставая).*

Я знаю ихъ: одинъ пустой обманъ
И хитрыя слова и обольщенья.
Но ты иди, мой вѣрный Мещерякъ,
И сотниковъ въ мою созвавши ставку,
Введи сюда Кучумова Посла.

(Мещерякъ выходитъ.)

Явление 8.

Ермакъ, Кольцо́.

Кольцо́ *(указывая на Мещеряка).*

Не вѣрь ему! Тебя онъ ненавидитъ.

Ермакъ.

За что?

Кольцо́.

О, кто въ сердечной мглѣ прочтетъ
За что любовь иль ненависть пылаетъ?
По помнишь ли: когда былъ братъ его
Совѣтомъ осужденъ къ позорной смерти,
Не ты ли первый голосъ подалъ свой?

Ермакъ.

Не я его, законы осудили.
За это ли мнѣ Мещерякъ отмститъ?

Кольцо́.

Онъ гордъ, и жаждалъ Атаманской власти.

Ермакъ.

Такъ что жъ? онъ самъ въ вожди меня избралъ.

Кольцо́.

Повѣрь мнѣ: не мечтою я обманутъ.

Ермакъ.

Любовь ко мнѣ твой ослѣпляетъ взоръ.

Кольцо.

О ты погибнешь! Сердцемъ благороднымъ
Чуждаяся обмана и измѣнъ,
Ты вѣришь всѣмъ.

Ермакъ.

Ты слишкомъ недовѣрчивъ!
Эхъ! жизнь того не стоитъ, чтобы я
Сталъ мучиться, терзаться подозрѣньемъ,
Обманъ и ложь читать во всѣхъ глазахъ,
Страшиться, друга къ сердцу прижимая,
И въ чашѣ круговой отраву пить.
Не лучше ль разомъ смерть, чѣмъ жизнь влачить
Всечасно смерти ожидая?
Но прекрати сей тщетный разговоръ.
Къ чему смущать сомнѣніемъ холоднымъ
И горестью торжественный сей часъ,
Въ которой тишина и лучь отрады
Моимъ глазамъ блеснули въ первый разъ?
О другъ мой, знай! моя судьба рѣшилась,
Когда мнѣ сонъ сомкнулъ усталый взоръ,
Отчаянье въ груди моей гнѣздилось,
И въ будущемъ являлися очамъ
Лишь трудъ и смерть, за смертію мученья, —
Степь безпредѣльная, гдѣ я блуждалъ
Безъ отдыха, покоя, утѣшенья,
Безъ цѣли, безъ надежды, безъ похвалъ:

И безъ всего! отверженный Россіей,
Отверженный изъ самыхъ нѣдръ земли,
Носящій на челѣ печать проклятья,
Предметъ презрѣнія для самаго себя.
О сладкіи сонъ! мои сомкнувши вѣжды,
Ты радость въ грудь мою пролилъ;
Мои мечты, мои надежды
Въ увядшемъ сердцѣ пробудилъ.
Не смѣйся! Не игра воображенья:
Въ немъ истина, мой другъ, явилась мнѣ.

Кольцô.

Твоимъ словамъ охотно вѣрю я.
Когда въ тѣни родительскаго крова,
Я жилъ еще на берегахъ Оки.
—Ахъ свѣтлая Ока! ея теченью
Уже давно не радовался я. —
Тогда мнѣ говорилъ святый отшельникъ,
Что въ тихій часъ, когда всё въ мірѣ спитъ,
И въ насъ молчитъ страстей волненье бурныхъ,
Спокойный духъ нашъ ближе къ небесамъ:
И ночи мракъ намъ открываетъ тайны
Безвѣстныя заботливому дню.

Ермакъ.

То не было мечтаніе пустое,
Нѣтъ, другъ мой, то былъ гласъ небесъ благихъ.
Онъ мнѣ шепталъ: «Покой и примиренье;»
Онъ усыплялъ мученія мои.
Я чувствую, мнѣ сердце въ томъ порукой,
Грядущаго завѣса поднялась;

Вся жизнь моя открыта предо мною.
Я въ небесахъ судьбу свою читалъ.
Пойду на смерть, но смѣлою стопою:
Мнѣ сладкій гласъ прощенье обѣщалъ. —
Послушай! Завтра предъ дружиной нашей,
Падутъ толпы несмѣтныя враговъ,
Падутъ врата Кучумовой столицы
И древняго Царя златой престолъ;
Нашъ мечь разширитъ родины границы,
Къ ея вѣнцамъ придастъ еще вѣнецъ.
Тогда, мой другъ, въ Россію возвратися,
Иди въ Москву; неси къ ногамъ Царя
И злато и мѣха, добычу брани,
Скажи ему: »Вотъ нашихъ плодъ трудовъ!
»Со мной къ тебѣ сіи прислало дани
»Раскаянье преступныхъ Козаковъ.«

Кольцо.

Но какъ, скажи, предстану къ Іоанну?
Уже давно я осужденъ на смерть,
И ждетъ меня правдивый мечь закона,
И мнѣ ль главу на плаху несть?

Ермакъ.

Съ тобой
Богатый выкупъ дамъ я—жезлъ Сибири.
Насъ Іоаннъ проститъ: его рука
Разрушитъ приговоръ законовъ строгихъ.
О ты постигъ ли, какъ счастливы мы?
Мой другъ! мы будемъ вновь сыны Россіи.
Она въ свои объятья приметъ насъ.

У насъ отчизна будетъ, братья будутъ,
Законы, Церковь, Царь, побѣды, гордость, честь.
О край родной! намъ можно будетъ
Тебя своимъ, своимъ назвать,
Жить для тебя, и за твое величье
Въ сраженьяхъ славныхъ умирать!

Кольцо.

Ты помнишь ли, Ермакъ, когда по Волгѣ
Съ богатою добычей плыли мы,
Я говорилъ: «Возмите все богатство,
«Но дайте право мнѣ хоть разъ сказать:
«Мои сограждане, моя Россія!«
Но я не смѣлъ такого счастья ждать.

Ермакъ.

Исполни, другъ, еще одно прошенье!...
На Волжскихъ берегахъ, тамъ гдѣ въ нее
Впадаетъ Кама, бѣдная деревня
Скрывается въ лѣсу, и близъ нее,
Между кустарникомъ, къ рѣкѣ спускаясь,
Чуть видится смиренной хаты кровъ.
Мнѣ этотъ кровъ дороже всей вселенной!
Тамъ, другъ мой, тамъ живетъ она—она,
Которую любилъ я болѣ жизни,
Которую любить не смѣю я.
Ахъ, прежде взоръ ея, ея улыбка,
Средь жизненныхъ трудовъ, казались мнѣ
Звѣздами счастья, міромъ, небомъ, раемъ.
Она меня любила; я мечталъ,
Что съ нею жизнь какъ сонъ промчится сладкій.—

Все, все утрачено! Но вѣрный другъ,
Скажи, какъ я, раскаялся, терзался,
Какъ я страдалъ, какія слезы лилъ.
И если не совсѣмъ она забыла
Преступника, который въ прежни дни
Ее любилъ такъ пламенно, такъ нѣжно;
Скажи, что онъ, какъ прежде, вѣрный ей
Хранитъ въ душѣ ея прелестный образъ.
Я объ одномъ молю, не о любви,
Давно забытой ею, не о дружбѣ;
Нѣтъ: лишь о томъ прошу, чтобы она
Не ненавидѣла, не презирала,
Молилась за меня. Ея мольбамъ
Доступны Небеса; онѣ внимаютъ
Прошенію ея невинныхъ устъ,
И можетъ быть со мною примирятся.
Короткій срокъ назначенъ днямъ моимъ;
Но я бы легъ спокойнѣе въ могилу,
Когда бы могъ еще предъ смертью знать,
Что обо мнѣ хоть разъ вздохнула Ольга.

Кольцо.

Но въ этой хижинѣ уже-ль она
Одна живетъ?

Ермакъ (*съ напряженіемъ*).

Нѣтъ.... съ нею старецъ....
О другъ!... сей старецъ былъ... моимъ отцемъ.
Но онъ проклялъ меня.

Кольцо̀.

Безчеловѣчный!

Ермакъ.

О нѣтъ! онъ правъ былъ. На рукахъ моихъ
Убитыхъ мной невинныхъ кровь дымилась.
Да, онъ былъ правъ: и грозное проклятье
Исполнилося надо мной: оно
На Ермака весь адъ вооружило;
И злобный духъ преслѣдуетъ меня;
Онъ шепчетъ мнѣ всечасно: «что ты медлишь?
«Тебя давно ужъ ждетъ подземный мракъ.
«Ермакъ! Земля благословенна Небомъ,
«Проклятому нѣтъ мѣста на землѣ!»

Кольцо̀.

О полно!

Ермакъ.

Свѣтлый міръ мнѣ гробъ пространный;
Среди живыхъ какъ мертвый я брожу,
И слезы то бѣгутъ изъ глазъ, то скрытно
Онѣ падутъ на сердце какъ огонь.
О другъ мой! *(упадая на плечо Кольца.)*
Разскажи ему мои страданья;
Скажи, что ихъ свинцовая рука
Сіи власы до срока изсушила,
По юному челу морщины провела,
И что болѣзнь измученнаго сердца
Въ немного лѣтъ всю жизнь мою сожгла.

Скажи, что мнѣ судьба моя извѣстна;
Мнѣ смерти приговоръ прощеніе его;
Но въ немъ все счастье, все мое блаженство,
Его я жду какъ рая самаго,
О, я прошу лишь одного — прощенья.
Прощенья! объ одномъ его молю:
Пусть буду я отверженнымъ, забытымъ —
Но не проклятымъ! — Лишь прощеннымъ быть
И послѣ умереть.

Кольцо.

Во цвѣтѣ жизни
За чѣмъ тебѣ о смерти говорить.

Ермакъ.

Нѣтъ! я себя обманывать не стану;
Мнѣ сердца гласъ, мнѣ Небо говоритъ,
Что скоро нить моей прервется жизни.
И сладкій сонъ, которымъ возвращенъ
Покой въ мою волнуемую душу,
О другъ мой! вѣрь мнѣ, не обманчивъ онъ!
Вся жизнь прошедшая глазамъ явилась,
Я видѣлъ вновь тѣ счастливые дни,
Когда любимъ отцемъ, любимый Ольгой,
Такъ смѣло я въ грядущее смотрѣлъ.
И вновь она была моей невѣстой,
И вновь ее опричникъ похищалъ;
Но подъ моимъ мечемъ окровавленнымъ
Его на землю падала глава.
И я бѣжалъ отцемъ благословенный.
Вездѣ гонимъ, скитался я въ лѣсахъ;

И долго тамъ бродивши безъ пріюта,
Вездѣ преслѣдуемъ толпой враговъ
Я забывалъ законъ и добродѣтель,
Вступалъ въ дружину смѣлыхъ Козаковъ.
Тогда отца проклятіе гремѣло,
И я душой въ уныніе впадалъ. . .
Но наконецъ раздался голосъ съ неба
И въ сердцѣ отголосокъ отвѣчалъ!
Онъ говорилъ: «Надѣйся и молися,
«Ты въ примиреніи услышишь смерти вѣсть,»

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Мнѣ не видать тебя, земля родная;
Мнѣ не вступать въ державную Москву!
Я въ битвахъ здѣсь сложу свою главу,
Мой приметъ трупъ земля чужая.
Но въ часъ послѣдній роковой,
Тебя, Сибирь, мои обнимутъ длани,
Какъ воинъ жметъ хладѣющей рукой

Кровавый щитъ пріобрѣтенной въ брани.
Но сотники ужъ въ ставку собрались,
Насъ ждетъ посолъ. Пойдемъ.

(Ермакъ и Кольцо уходятъ, а во время послѣднихъ словъ Ермака — вооруженные Козаки собираются въ отдаленіи.)

Явленіе 9.

Козаки *(выходятъ впередъ)*.

1-й Козакъ.

Съ ограды стана
Смотрѣлъ я въ даль. По берегамъ крутымъ
Безчисленныхъ враговъ огни блистали.
Къ землѣ прилегъ я: тихій несся гулъ,
Какъ роя пчелъ сердитое жужжанье,
Иль въ часъ грозы, далекій ропотъ волнъ.

2-й Козакъ.

И мы сражаться будемъ.

3-й Козакъ.

Мы погибнемъ.

1-й Козакъ.

Спасенья нѣтъ: къ сей битвѣ собрались
Не войска, но народы всей Сибири.
Вокругъ насъ ихъ несмѣтныя толпы.
Предъ нами градъ съ могущею твердыней,
За нами степь,—и смерть со всѣхъ сторонъ.

4-й Козакъ.

Не въ первый разъ мы къ ней пойдемъ на встрѣчу.

1-й Козакъ.

Тогда намъ можно было побѣдить;
Теперь, увы! надежды не осталось.
Что будемъ мы, три сотни Козаковъ,
Ослабшіе отъ глада и сраженій...

4-й Козакъ *(прерывая)*.

Но храбрые!

1-й Козакъ.

Что съ храбростью твоей
Ты сдѣлаешь отсюда окруженный
Освирепѣлою ордой враговъ?
Теперь не пять, не десять стрѣлъ и копій
На каждаго изъ насъ устремлены,
Но тысячи.

5-й Козакъ *(подходя)*.

Онъ говоритъ вамъ правду,
Я видѣлъ ихъ огни.

3-й Козакъ.

Охъ! Атаманъ
Насъ погубилъ.

4-й Козакъ.

Друзья, еще надѣйтесь!
Мы побѣдимъ: насъ въ бой ведетъ Ермакъ:
Его мечу побѣда не измѣнитъ.
Его судьба — нежданое свершать,
Весь міръ дивить чудесными дѣлами,
И въ смѣлыхъ подвигахъ препоны разрушать.

6-й Козакъ *(входитъ и поетъ).*

Какъ по синей, синей Волгѣ, плыли удальцы.

2-й Козакъ.

Молчи, теперь намъ не до пѣсней дѣло.

6-й Козакъ.

Вотъ пустяки! теперь то должно пѣть,
Мы завтра въ ночь довольно намолчимся.
(Подавая бутылв.)
Хотите ль вина, друзья? Что жъ Дмитрій, пей

2-й Козакъ.

Я не хочу, поди.

6-й Козакъ.

Какой упрямый!
Когда разляжемся мы по землѣ сырой,
Тебѣ ужъ не достать вина такого.

2-й Козакъ.

Ну полно жъ приставать.

6-й Козакъ.

Погрѣйся, братъ!
Насъ завтра прохладятъ желѣзнымъ пивомъ.

Явленіе 10.

Тѣже и Заруцкій *(входитъ)*.

1-й Козакъ.

Куда, Заруцкій?

Заруцкій.

Въ ставку Ермака.

1-й Козакъ.

За чѣмъ?

Заруцкій.

Туда намъ велѣно собраться,
Чтобы принять Кучумова Посла.

2-й Козакъ.

Посолъ Кучума?

Заруцкій.

Да, онъ миръ намъ предлагаетъ.
(уходитъ.)

2-й Козакъ.

О счастье, миръ.

1-й Козакъ.

Еще не принятъ онъ.

2-й Козакъ.

Не принятъ: Неуже-ль его отвергнутъ.
Уже-ль когда къ спасенью путь открытъ,
Ермакъ насъ повлечетъ съ собой въ погибель?

3-й Козакъ.

Не можетъ быть.

2-й Козакъ.

О, вѣрно самъ Ермакъ
Не смѣлъ надѣяться такого счастья.

1-й Козакъ.

Ахъ, знаю *я* его отважный духъ;
Онъ миръ отвергнетъ, если Царь Сибири
Откажется Россіи дань платить.

2-й Козакъ.

Ермакъ отвергнетъ миръ, но мы принудимъ
Его принять.

3-й Козакъ.

Заруцкій къ намъ идетъ.

(Заруцкій входитъ.)

Что? принятъ миръ?

Заруцкій.

Отверженъ Атаманомъ.
Кучумъ намъ путь свободный открывалъ
Для возвращенья въ Русскіе предѣлы,
И присылалъ богатые дары.

Мы съ радостію словамъ посла внимали,
Въ нихъ видѣли конецъ трудовъ и бѣдъ;
Но тщетно насъ, друзья, надежда льстила.
Ермакъ сказалъ: «Коль хочетъ мира Царь,
«Пусть онъ теперь Россіи покорится:
«Пусть Іоанну онъ заплатитъ дань,
«Тогда въ ножны мы вложимъ мечь кровавый.
«Когда же нѣтъ, то завтра утромъ бой
«Рѣшитъ судьбу Кучума и Сибири.»

1-й Козакъ.

Друзья, и мы потерпимъ, чтобъ Ермакъ,
Исполненный отважности надменной,
И жизнью нашей и судьбой игралъ!

Всѣ.

Нѣтъ, нѣтъ!

1-й Козакъ.

Устали мы отъ битвъ напрасныхъ;
Намъ нуженъ миръ, покоя мы хотимъ,
Мы отдохнуть хотимъ въ землѣ родимой,
А онъ ведетъ къ боямъ лишь и трудамъ.

Заруцкій.

Онъ васъ ведетъ къ неизбѣжимой смерти.

1-й Козакъ.

Его безумной дерзостью...

4-й Козакъ (*прерывая*).

Молчи!

Многіе.

Нѣтъ: говори!

Другіе.

Да говори всю правду.

2-й Козакъ.

Къ чему въ Сибирь онъ велъ насъ?

Заруцкій.

Мещерякъ

Давно сказалъ, что онъ насъ всѣхъ погубитъ.

1-й Козакъ.

Онъ, онъ повергъ насъ въ пропасть, и теперь,
Когда, казалось, небо простирало
Спасенья длань, ее отринулъ онъ.
Онъ Провидѣнье искушаетъ.

Голосъ изъ толпы.

Правда!

1-й Козакъ.

Онъ отвергаетъ даръ небесъ благихъ.
И мы потерпимъ, мы ему позволимъ!

Многіе.

Нѣтъ, этому не быть!

Голосъ.

Не для того

Онъ нами былъ назначенъ въ Атаманы.

Другой.

Тсъ, слушайте, Кириловъ говоритъ.

1-й Козакъ.

Когда же такъ, когда вы не хотите,
Чтобъ дерзостью его погибли мы,
Чтобъ для него мы завтра пали въ битвѣ,
И сдѣлались добычей хищныхъ птицъ,—
Послушайте: пойдемъ къ нему толпою...

Многiе.

Пойдемъ, пойдемъ!

1-й Козакъ.

И скажемъ мы ему,
Что мы хотимъ, что требуемъ мы мира,
Что требуемъ идти въ обратный путь;
И если онъ противиться дерзнетъ,
То горе!

Голосъ.

Пусть страшится онъ!

Заруцкiй.

Остановитеся! какою вы мечтой
Ослѣплены? Куда бѣжите вы?
Ужель не знаете вы Атамана?
Ужель безвѣстна вамъ его душа?
Скорѣе вспять къ водамъ Зайсана
Польются воды Иртыша,
Чѣмъ онъ свои премѣнитъ начертанья.
Покуда живъ Ермакъ, намъ мира нѣтъ.

Голосъ.

Какъ? за него погибнуть намъ?

Другой.

Скорѣе

Пусть онъ умретъ.

Многie.

Да, пусть онъ умретъ!

Другie.

Смерть Ермаку, смерть Ермаку!

Явленie 11.

Тѣже и Ермакъ

(входитъ вооруженный, быстро разсѣкаетъ толпу, которая раздвигается, и снявъ шлемъ говоритъ — При входѣ Ермака самые буйные прячутся въ толпу, и изъ говорившихъ Козаковъ остается только четыре).

Ермакъ.

Разите!

Что жъ медлите? Купите славный миръ
Кровавою главою Атамана.
Вы видите — она обнажена,
И безъ защиты ждетъ ударовъ вашихъ.
Идите съ ней къ Кучумовымъ ногамъ,
И падши предъ златымъ его престоломъ
Скажите вы Сибирскому Царю:
«Вотъ тотъ, которой насъ водилъ къ сраженьямъ!
«Вотъ тотъ, чей мечь путь къ славѣ открывалъ!
«Онъ не жалѣлъ для насъ трудовъ и крови,

„Для насъ онъ жилъ, для насъ бы жизнь отдалъ,
„И мы его убили.„

(Осматривая кругъ.)

Вы молчите!
Скажите, кто мнѣ первый дастъ ударъ?
Ты Струга?

Голосъ.

Я? въ сраженьѣ на Уралѣ
Ты жизнь мнѣ спасъ, закрывъ меня щитомъ.

Ермакъ.

Не тыль Червленный?

Другой.

Я тонулъ на Волгѣ;
Ты бросился въ сердитую рѣку
И вытащилъ меня.

Ермакъ.

Не ты ль, Удалый?

Третій.

Ты спасъ меня отъ плѣна.

Ермакъ.

Кто жъ изъ васъ?

Одинъ Козакъ.

Никто.

Другой.

Кто руку на него подыметъ!

Третій.

Скорѣй роднаго бъ брата я убилъ.

Ермакъ.

Пусть я умру! но, други, вы клялися
Сибирскаго владыку укротить,
И онъ его неистовыхъ набѣговъ
На вѣки край родной освободить.
О! не забудьте вашихъ клятвъ священныхъ,
Обѣтовъ данныхъ передъ алтарёмъ!
И преступленій, нами совершенныхъ,
Омойте стыдъ предъ Богомъ и Царёмъ.

Голосъ.

Вѣдь какъ послушаешь, такъ правъ онъ!

Другой.

Мы клялися,
А не исполнить клятву грѣхъ большой.

Ермакъ.

Кучумъ дары и миръ вамъ предлагаетъ. —
Его-ль словамъ повѣрить вы могли?
Татарина невѣрнымъ обѣщаньямъ?
Онъ дастъ вамъ миръ, но миръ сырой земли,
Покой могилы, крѣпкій, непробудный,
Среди степей безлюдныхъ и глухихъ,
Гдѣ васъ сразятъ и голодъ и измѣна.
И мало васъ на родину придетъ,
Чтобъ подъ сѣкиру строгаго закона
Преступною склониться головой.
Одинъ открытъ намъ къ миру путь.—Побѣда!
Впередъ! тамъ за Сибирскою стѣною
Насъ слава ждетъ, насъ ждетъ добыча. Злато

И сладкій миръ, и по трудахъ покой.
Пусть мало насъ, несчетенъ непріятель:
Не въ первый разъ намъ побѣждать его.
Вперёдъ друзья! какъ стадо птицъ смятенныхъ,
Когда орелъ къ нимъ мчится съ облаковъ,
Разсѣются предъ нашею дружиной
Толпы Татаръ и блѣдныхъ Остяковъ.

(Разсвѣтаетъ.)

Что вижу я? О счастье! небо съ нами
И благодать всесильнаго Царя!
Здѣсь воздухъ чистъ и свѣтелъ;—надъ врагами
Зажглась средь тучъ огнистая заря!
Теперь, друзья, кто помнитъ обѣщанья,
Кто вѣритъ небу, любитъ Ермака,
Впередъ! за мной! Вамъ путь кровавый
Откроетъ смѣлая моя рука,
Чтобъ побѣдить враговъ иль умереть со славой!

Многіе.

Мы всѣ съ тобой!

Другіе.

Мы всюду съ Ермакомъ.

Всѣ.

Съ тобой иль жить иль умереть со славой!

(Ермакъ уходитъ и всѣ за нимъ.)

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Утро.

Театръ представляетъ берега Оки. Съ лѣвой стороны хижина между деревьями, такъ что сидящихъ на порогѣ ея не видятъ другія лица находящіяся на сценѣ. Вдали на горѣ церковь и колокольня.

Явленіе 1.

Ольга, Софья. *(онѣ сидятъ у порога хижины и прядутъ.)*

Софья *(поетъ)*.

О чемъ, скажи, твое стенанье
И безутѣшная печаль?
Твой умеръ другъ, или изгнанье
Его умчало въ синю даль?

Когда бъ онъ былъ въ странѣ далёкой,
Я друга бы назадъ ждала;
И въ скорбяхъ жизни одинокой
Надежда бы еще цвѣла.

Когда бъ онъ былъ въ могилѣ хладной,
Мои бы плакали глаза,

А слезы въ грусти безотрадной
Небесъ вечерняя роса.

*

Но онъ преступникъ, онъ убійца;
О немъ и плакать мнѣ нельзя.
Ахъ, растворись моя гробница,
Откройся тихая земля!

Ольга.

О полно, полно Софья! этой пѣсней
Ты только грусть удвоила мою.

Софья.

Прости мнѣ, Ольга, я сама не знаю,
Какъ эта пѣсня мнѣ на умъ пришла.
Сто разъ ужъ я ее забыть хотѣла.

Ольга.

Ахъ, если бъ можно было забывать!

Софья.

Признайся, Ольга; это очень странно.
Когда захочешь что нибудь забыть,
Оно тогда-то и идётъ на память, —
Какъ будто бы на зло. Не правда ль?

Ольга.

Да!

Я это слишкомъ больно испытала;
Когда бы можно съ памяти своей
Изгладить всё былое, скоро бъ сердце
Отъ ранъ несчастья изцѣлѣть могло.

Но помнить счастье, дней минувшихъ радость,
Всё, что на вѣки время унесло—
Вотъ, вотъ что тяжко. Эти вспоминанья
На стрѣлы рока льютъ смертельный ядъ;
Отъ нихъ въ душѣ такъ пламенно горятъ
Неизцѣлимыя страданья. . . .
Скитаясь по землѣ, объ раѣ помнить. . . адъ!

Софья.

О чемъ такъ грустно ты вздохнула, Ольга?

Ольга.

О Волга! на твоихъ брегахъ
Какъ жизнь моя прелестно разцвѣтала,
Какъ сладко я о будущемъ мечтала,
Какъ мало думала о горѣ и бѣдахъ!
Съ нимъ было сладко всё; среди дубравъ скитаться,
Внимать ихъ сладостнымъ пѣвцамъ;
Иль грозно плещущимъ волнамъ
На легкомъ челнокѣ ввѣряться;
Съ нимъ быть, рѣчамъ его внимать,
Встрѣчать всечасно взоръ его прекрасной,
И въ немъ любовь его читать,
И блескъ души какъ небо ясной. . *(Вздыхаетъ)*
Но все на вѣкъ прошло! Ермакъ, Ермакъ!

Софья.

Ты часто говоришь о Волгѣ; вѣрно
Ты родилась на берегахъ ея.

Ольга.

Да.

Софья.

Тамъ конечно пѣсню ты слыхала.
Которую сей часъ пропѣла я. . . .
Ты знаешь кто сложилъ ее?

Ольга.

Не помню.

Софья.

Да можетъ быть и не слыхала ты;
Послушай же. Тому уже лѣтъ двадцать,
Иль болѣе, тамъ дѣвушка жила,
И говорятъ, во всей странѣ приволжской
Она добрѣй, прелестнѣй всѣхъ была;
Она любила и была любима,
И юноша, любви ея предметъ,
Былъ также добръ и молодъ и прекрасенъ;
Казалось, счастье имъ сулила жизнь;
Но вдругъ они разстались. Я не помню,
Долга иль нѣтъ разлука ихъ была.
Когда жъ они увидѣлися снова,
Онъ былъ — безъ слезъ я вспомнить не могу, —
Онъ былъ разбойникомъ.

Ольга.

О Боже!

Софья.

Ольга,
Что сдѣлалось съ тобой?

Ольга (*съ напряженіемъ*).

Ничего!

Но разскажижъ, что послѣ. . . .

Софья.

Эта встрѣча

На вѣкъ ея разрушила покой.

Она по Волжскимъ берегамъ бродила,

Воспоминая прежніе года,

И пѣла, но такъ сладко, такъ уныло,

Что рыбаки, вечернею порой

Внимая ей, свой парусъ опускали,

И забывая трудный промыслъ свой,

Ручьями слезы проливали.

Она жила не долго, всё страдала,

И съ нетерпѣньемъ смерть къ себѣ звала,

И наконецъ утомлена мученьемъ,

Повергласся въ сердитые валы.

Ахъ бѣдная!

Ольга (*въ сторону*).

Тебѣ благодаренье,

Творецъ небесъ! ты жизнь мою спасалъ,

Когда смотря на Волжскую пучину

Я думала, на хладномъ днѣ ея

Печаль заснетъ, отчаянье утихнетъ.

Софья.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты съ отцемъ въ нашъ край приш...

Ты все грустишь; о чемъ, скажи мнѣ Ольга?

Здѣсь, кажется бы должно грусть забыть;

Такъ все прекрасно здѣсь, все такъ спокойно,
Такъ весело и въ рощахъ и въ поляхъ.
Смотри какъ тихая Ока струится
Вокругъ холмовъ и свѣтлыхъ деревень;
По ней скользятъ струга, и юный день
Въ нее какъ въ зеркало глядится.
Но ты печальна, — хочешь, я спою
Другую пѣсню, о любви счастливой.

Ольга.

Нѣтъ, Софья, перестань; оставь меня!
Моя душа такою грустью сжата,
Что мнѣ теперь отраднѣй быть одной.

Софья.

Прощай! но я приду когда смеркнется *(уходитъ.)*

Явленіе 2.

Ольга *(одна).*

Счастливая! и я была какъ ты;
Не зная грусти ни печали;
Во кругъ меня толпилися мечты
И сны веселые летали. *(Плачетъ и тихо поетъ.)*
«Но онъ преступникъ, онъ убійца,
«О немъ и плакать мнѣ не льзя.»

Явленiе 3.

Ольга и Тимоѳей *(входятъ)*.

Тимоѳей.

Ты, Ольга здѣсь? Лишь солнце проглянуло,
А ты ужъ за работой, дочь моя.
Скажи, за чѣмъ такъ рано ты проснулась?
Что до зари прогнало твой покой?
Ты молода; въ твоемъ невинномъ сердцѣ
Не раздается буйный гласъ страстей
И совѣсти неспящей укоризны;
За чѣмъ же сонъ бѣжитъ твоихъ очей?
Или сама его ты прогоняешь?
Охъ, не бѣги его! онъ даръ небесъ,
Неоцѣненный даръ. Блаженъ кто можетъ,
Найти забвенье подъ его крыломъ!

Ольга.

Сама не знаю, отъ чего такъ рано
Проснулась я; едва, едва востокъ
Вдали краснѣлъ,—но жаворонки пѣли,
Такъ весело привѣтствуя зарю;
Роса блистала, небо было чисто;
Я не могла ужъ болѣ глазъ сомкнуть;
Казалося, ты спалъ еще: я вышла
И пробужденья твоего ждала;
Здѣсь слушала я пѣсни доброй Софьи.

Тимоѳей.

И плакала.

Ольга.

О! это ничего!
Но ты, отецъ мой! тихъ ли былъ твой отдыхъ?

Тимоѳей.

Мой отдыхъ! мнѣ давно ужъ нѣтъ его,
Когда отъ слезъ и горя утомленный
На время я свой закрываю взоръ, —
Уже ль ты думаешь, ко мнѣ низходятъ
Забвенiе и сладостный покой?
О нѣтъ! Они давно мнѣ не извѣстны.
Я проклялъ сына!

Ольга.

Позабудь его.

Тимоѳей.

Когда вся кровь остынетъ въ этихъ жилахъ,
И грудь моя засыплется землей,
Тогда, быть можетъ, я забуду сына.
Но прежде — нѣтъ! Забыть его? Онъ здѣсь,
Онъ въ самомъ сердцѣ такъ какъ чувство жизни.
И я, я могъ его проклясть! Въ трудахъ,
Въ заботахъ днёмъ я иногда забуду
Страданiя и тяжкую тоску;
Но ночiю, когда на одръ склонюся,
Тогда проснется всё въ душѣ моей,
И тихими неслышными шагами
Ко мнѣ придётъ неусыпимый стражъ,

Ты знаешь ли его? воспоминанье!
Оно придетъ и сядетъ близь меня;
Оно начнетъ разказы про былое;
И каждый разъ, разсказъ кончая свой,
Споетъ мнѣ такъ, какъ воронъ передъ бурей:
»Спи, спи старикъ! тобою проклятъ сынъ!«

Ольга.

О Боже!

Тимоѳей.

»Спи, старикъ, твой сынъ въ вертепахъ
»Среди лѣсовъ, скитается одинъ;
»Онъ проситъ сна, онъ молитъ о покоѣ,
»Но сонъ, покой бѣгутъ отъ глазъ его.
»Тобою проклятъ онъ.« Какъ сладко спится
Подъ эту пѣсню!

Ольга.

О, мой отецъ, за чѣмъ
Терзаешься ты мыслями такими?
Ты проклялъ сына, но твой гнѣвъ былъ правъ.

Тимоѳей.

И ты меня оправдываешь, Ольга!
Не ты-ль всечасно думаешь о немъ?
О немъ ты молишься, о немъ вздыхаешь
И плачешь.

Ольга.

Да; но я съ надеждой жду,
Что онъ раскается, что онъ съ слезами
Придетъ къ твоимъ ногамъ. Его душа

Не рождена для низкихъ преступленій;
О, можетъ ли потухнуть навсегда
И чувствъ и мыслей благородныхъ пламень?
Нѣтъ, нѣтъ: онъ былъ на время помраченъ
Несчастіемъ, гоненіемъ неправымъ;
Но снова, вѣрь мнѣ, снова заблеститъ
Прекрасными небесными лучами.
Когда нибудь, быть можетъ, даже скоро
Его увидишь ты.

Тимоѳей.

Нѣтъ: никогда!
Уже не вѣрю я пустой надеждѣ;
Не вѣрю я обманчивымъ мечтамъ;
Давно я по землѣ скитаюсь,
Преслѣдуемъ неправедной враждой;
Одна лишь ты мое жилище знаешь;
Лишь ты, которая, забывши для меня
И тишину и счастье мирной жизни,
Пошла за мной въ далекій, трудный путь.

Ольга.

Что было дѣлать мнѣ въ родимомъ краѣ?
Теперь тамъ чуждо все моей душѣ;
Мои родители давно во гробѣ;
Ты былъ моимъ отцемъ, съ тобою я
Была тогда, когда смѣялось счастье,
Съ тобою я и горе раздѣлю.
Но слышишь ли, вдали несутся пѣсни?
И лодка по теченію рѣки
Плыветъ сюда! На ней блеститъ оружье.

О мой отецъ! уже ль гонитель нашъ
Твои слѣды открылъ? Уже ли злоба
И здѣсь тебѣ покоя не даетъ?

Тимоѳей.

Спокойся Ольга: въ тихомъ семъ пріютѣ
Намъ нечего страшиться; навсегда
Сокрыты мы отъ мести и гоненій.
Нигдѣ найти я мира не могу,
Но здѣсь, что могъ, нашелъ я — безопасность.

Ольга.

Но кто же воины сіи? Смотри,
Они идутъ сюда.

Тимоѳей.

По ихъ одеждѣ
Я думаю, что это Козаки.
Останься здѣсь: я къ нимъ иду на встрѣчу.

(Козаки выходятъ изъ лодки.)

Явленіе 4.

Тѣже и Козаки.

1-й Козакъ.

Ну, слушайте.

(Поётъ)

Вѣй сильнѣе, вѣтръ игривый,
Въ бѣлый парусъ челнока!
Понеси насъ въ путь счастливый,
Волга, свѣтлая рѣка.

*

Ты узнала насъ: за нами
Плещутъ весело струи,
И помчалися стрѣлами
Наши легкія ладьи.

*

За туманною горою
Скрыты десять кораблей;
Тамъ вечернею порою
Будетъ слышенъ стукъ мечей.

*

Злато тамъ, драгія ткани,
Тамъ заморское вино.
Сладко, братцы, послѣ брани
Будетъ пѣниться оно.

Пѣлъ Козакъ: надъ влагой ясной
Вздулся парусъ челнока,
И, какъ грудь дѣвицы красной,
Всколыхалася рѣка.
Что каково, друзья?

2-й Козакъ.

Да, спѣлъ ты хорошо, да только пѣсня
Не хороша.

1-й Козакъ.

А чѣмъ?

2-й Козакъ.

Какой вопросъ!
Вѣдь мы клялись свой прежній промыслъ бросить.

1-й Козакъ.

Да развѣ пѣсня промыселъ? глупецъ!

2-й Козакъ.

Ну не сердися. А когда услышитъ
Отецъ Иванъ.

1-й Козакъ.

Ну такъ что жъ?...

2-й Козакъ.

Бѣда!
Онъ говоритъ: пой псальмы...

1-й Козакъ.

Ужъ этому не быть, чтобъ я отсталъ
Отъ прежнихъ пѣсенъ славныхъ, молодецкихъ.

2-й Козакъ.

Ну берегися.

1-й Козакъ.

Козаку прожишь
Свой вѣкъ безъ пѣсенъ, слыханно ли дѣло?
Вотъ пусть старикъ намъ скажетъ правду всю.
Вѣдь пѣсня хороша? *(поётъ.)*
И, какъ грудь дѣвицы красной,
Всколыхалася рѣка...

Тимоѳей.

Да; но скажите,
Куда теперь идёте вы?

Одинъ изъ Козаковъ.

Куда?
Въ Сибирь; дары Царь посылаетъ съ нами
Тому, кто побѣдилъ Кучума.

2-й Козакъ.

Что жъ?
Что мѣшкать намъ? впередъ, на лодки.
(Козаки уходятъ.)

Тимоѳей *(Ольгѣ, возвращаясь къ ней)*.

И ты могла страшиться за меня?
Ты видишь, какъ глуха сія долина.
Она отъ свѣта такъ удалена,
Что шумъ его едва до насъ доходитъ,
Какъ слабый ропотъ дальняго ручья.
И царства возстаютъ и упадаютъ,
А слава ихъ не раздается здѣсь,

И не слыхать ихъ громкаго паденья.
О! какъ счастливо здѣсь бы можно жить.

Ольга.

Но что же Козаки тебѣ сказали?

Тимоѳей.

Сибирь покорена; и Іоаннъ
Къ своимъ вѣнцамъ вѣнецъ прибавилъ новый;
А мы про это и не знали.

Ольга.

Кто жъ,
Отецъ мой, сей прославился побѣдой?

Тимоѳей.

Не знаю: я забылъ у нихъ спросить;
Ты помнишь, Ольга, было прежде время,
Я съ жадностью свой слухъ склонялъ къ вѣстямъ
О битвахъ, о побѣдахъ и о славѣ.
Я говорилъ; такъ будетъ мой Ермакъ
Сражать враговъ въ поляхъ кровавой брани.
Увы! Ермакъ.

Ольга.

И онъ, внимая симъ словамъ,
Горѣлъ и трепеталъ: къ мечу стремились длани,
Душа его рвала́ся къ торжествамъ.

Тимоѳей.

Кто ровенъ былъ ему и красотой,
И мужествомъ, и силою руки,
И пламенной любовію къ отчизнѣ?

Ольга.

Когда онъ выступалъ въ толпѣ друзей,
Какъ среди звѣздъ денница золотая,
Какъ былъ прекрасенъ тихій свѣтъ очей
И стана стройность молодая!

Тимоѳей.

Какъ въ немъ горѣлъ огонь высокихъ чувствъ,
Какъ свѣтлой мыслей, думою глубокой,
Онъ часто удивлялъ меня. Я думалъ,
Онъ будетъ щитъ и мечь земли родной.
И онъ теперь преступникъ, врагъ Россіи!
(Плачетъ.)
Плачь, плачь отецъ! ты сына погубилъ.
Не утѣшай меня. Нѣтъ, не старайся
Меня передъ собою оправдать.
Я, я виновенъ, *я* своимъ проклятьемъ
Повергъ его въ отчаянье. . . . Ермакъ!
Ермакъ!

Явленіе 5.

Тѣже и Кольцо́ *(входитъ съ Козаками)*.

Кольцо́.

А! Лодки наши ужъ готовы!

Козакъ.

Онѣ съ зарей насъ были ждать должны.

Кольцо́.

Идите же, я слѣдую за вами.

Козакъ.

Въ какой же лодкѣ будешь самъ?

Кольцо́.

Въ большой!

Поля отечества, простите снова,
На долгій срокъ я оставлю васъ:
Меня зовутъ священные обѣты,
И дружества и славы громкій гласъ.
Простите! Послѣ грустнаго изгнанья
Я среди васъ явился лишь на мигъ.
Но сладокъ былъ сей краткій мигъ свиданья!
Онъ жизнь мою на время обновилъ.
Съ какою радостью мои узнали взоры
Поля веселыя, родные берега,
И васъ въ дали синѣющія горы,
Васъ воды свѣтлыя, зеленые луга.

Съ тѣхъ поръ, какъ съ вами я разстался,
Какой я тяжкій, длинный путь протекъ,
Какою бурей волновался
Мой смутный, безпокойный вѣкъ!
Но въ двадцать лѣтъ и вы преобразились,
Или, быть можетъ, въ памяти моей,
Подъ времени рукой тяжелой, измѣнились
Воспоминанья свѣтлыхъ юныхъ дней.
Вотще средь васъ искалъ я жаднымъ окомъ
Тотъ кровъ, гдѣ мнѣ блеснуло бытіе;
Гдѣ въ тишинѣ, какъ будто въ снѣ глубокомъ,
Промчалося младенчество мое.
Увы! конечно онъ уже во прахѣ,
Какъ тѣ, которыхъ я тогда любилъ.
Все, все во гробѣ.

(Идетъ далѣе.)

Но. . . . Мнѣ это мѣсто
Знакомо. Церковь на горѣ: внизу
Рѣка, все это снова пробуждаетъ
Какія-то воспоминанья. Когда бъ
Я видѣлъ поселянъ? а вотъ ихъ двое.

(Къ Тимоѳею и Ольгѣ.)

Скажи, дѣвица, или ты, старикъ,
Какъ называете вы ту деревню
Тамъ за рѣкою, гдѣ еловый лѣсъ?

Тимоѳей.

Ея мнѣ имя неизвѣстно.

Ольга.

Сами
Пришельцы мы: но видишь на горѣ,

Тамъ крестъ блистаетъ: это колокольня
Монастыря Пречистой Дѣвы.

Кольцо.

Память
Меня не обманула. Но какъ все
Перемѣнилося: гдѣ были рощи,
Тамъ поле зеленѣетъ, здѣсь лѣса̀
Гдѣ были нивы; ты одна какъ прежде
Течешь, Ока, лазурна и свѣтла.

Тимоѳей.

Ты здѣсь родился?

Кольцо.

Да: тамъ за рѣкою
Былъ домъ, гдѣ жилъ отецъ мой: но теперь
Кустарникъ тамъ ростетъ; его и слѣда
Здѣсь не осталося. И гробъ его
Въ чужой и дальней сторонѣ, на Волгѣ.

(Слышанъ свистъ Козаковъ.)

Прощай, меня зовутъ!

(Идетъ и возвращается.)

Послушай, старецъ,
Когда ты въ этотъ монастырь пойдешь,
Молися тамъ передъ святой Иконой
О томъ, кто прежде бѣднымъ былъ отецъ,
Бояринѣ Петрѣ Кольцо.

(Даетъ ему денегъ.)

Тимоѳей.

Но кто же
Ты, юный воинъ?

Кольцо.

Сынъ его.

Тимоѳей.

Куда
Свой путь теперь ты направляешь?

Кольцо.

Длиненъ
Мой путь. Я покорителю Сибири
Несу дары Царя; златую цѣпь,
Шишакъ и броню съ званьемъ Воеводы.

Ольга.

Какъ тотъ счастливъ, кто родинѣ своей
Служилъ столь славно. За него молитвы
Россія будетъ къ небу возсылать.

Кольцо.

Счастливъ? О нѣтъ! я другъ его, и знаю,
Какъ страшно онъ несчастью платитъ дань.
Среди торжествъ, среди побѣдъ и славы
Ему отрады и покоя нѣтъ.
Онъ жизнь свою влачитъ какъ бремя. Знайте,
На немъ лежитъ проклятіе отца.

Ольга.

Несчастный!

Тимоѳей.

Но отецъ еще несчастнѣй.
Ты знаешь ли, что значитъ произнесть

Проклятье надъ главой преступной сына?
Стонать, страдать, и день и ночь лить слезы,
Для нихъ склоняться на безсонный одръ,
Для нихъ лишь взоръ свой открывать съ зарею,
Страшиться смерти, ненавидя жизнь,
Весь адъ носить въ себѣ. О Боже, Боже!
Я проклялъ сына.

Кольцо.

Горестный отецъ!

Ольга (къ Кольцу).

Но что жъ виной сего проклятья было?

Кольцо.

Онъ за невѣсту мстилъ. Вездѣ гонимъ
Друзьями имъ убитаго злодѣя,
Онъ сдѣлался разбойникомъ.

Ольга.

Какой
Мнѣ новый свѣтъ блеснулъ!

Кольцо.

Все трепетало
Предъ нимъ; но онъ, онъ горько слезы лилъ —
О торжествахъ и о преступной славѣ.
И онъ раскаялся: онъ пробудилъ
Въ насъ совѣсти давно безмолвный голосъ,
И мы пошли въ Сибирскія страны,
Чтобы отмстить за родину святую.
Мы побѣдили; кровію враговъ

Омыли мы свой стыдъ и преступленья.
Но онъ несчастливъ: онъ не смѣетъ ждать
Прощенья отъ отца. Въ молчаньѣ ночи
Я часто слышу, какъ стонаетъ онъ,
Какъ молится съ слезами предъ Иконой,
И повторяетъ въ безпокойномъ снѣ:
«Отецъ мой! Ольга! о, я проклятъ, проклятъ!»

Ольга.

Его невѣсту Ольгою зовутъ!

Тимоѳей.

Онъ былъ разбойникъ, проклятъ былъ отцемъ!
Надежда! вѣрить я тебѣ не смѣю.

Кольцо̀.

Но я пойду къ его отцу, пойду
И на колѣняхъ вымолю прощенье.

Тимоѳей.

Но гдѣ живетъ его отецъ?

Кольцо̀.

Межъ Волгой
И Камою.

Тимоѳей.

О небо! доверши!
Ты не сказалъ, и я спросить не смѣю.

Кольцо̀.

Ты поблѣднѣлъ, что сдѣлалось съ тобой?

Тимоөей.

Ахъ, Ольга! я умру, коль я обманутъ.
Сей вождь, сей воинъ. . . ты мнѣ не сказалъ,
Какъ имя побѣдителя Сибири.

Кольцо̀.

Какъ имя нашего вождя? Ермакъ!

Тимоөей *(вскрикиваетъ)*.

Мой сынъ!

Ольга.

Меня не обмануло сердце.

Тимоөей.

Но гдѣ жъ онъ? если это лишь мечта?
Оставьте мнѣ ее.

Кольцо̀.

И ты прощаешь?

Тимоөей.

Что жъ медлю я? ужъ вьютъ паруса.
(слышанъ опять свистъ.)
Ты слышишь, насъ зовутъ. Скорѣй, скорѣе.
Ермакъ, Ермакъ! я слышу голосъ твой.
Прости на вѣкъ, прости земля родная!
Въ Сибирь къ нему! ему отдать покой,
И умереть, его благословляя!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Ночь.

Сцена представляетъ открытую ставку Ермака; передъ нею площадка, среди которой большой камень.

Явленіе 1.

Ермакъ одинъ

(сидитъ безъ оружія въ козацкомъ платьѣ, предъ нимъ песочныя часы).

Песчинка за песчинкой, день за днемъ
Скользитъ безъ шума, въ вѣчность упадая.
И такъ-то годъ пройдетъ, и жизнь сама
Уйдетъ отъ насъ неслышными шагами.
Всё кончено. Ложись въ свой тѣсный гробъ.
Ермакъ! ты скоро сей услышишь голосъ;
Твой кончанъ путь: Сибирь покорена,
Исполнено небесное велѣнье,
И родина съ тобой примирена.

(Помолчавъ.)

Ахъ! мнѣ ль вздыхать, съ землею разставаясь?
Какія радости мнѣ жизнь дала?
Средь непогодъ и волнъ существованья
Какая пристань челнъ мой пріяла?
Разкройся-жъ ты, о гробъ, предѣлъ отрадной,
Отдай уставшей груди тишину!

Въ твоей тѣни, сырой, безмолвной, хладной,
Какъ сладко я отъ жизни отдохну.
Кольцо, Кольцо, скорѣе возвратися!
Что медлишь ты отраду сердцу несть?
О возвратись! будь вѣстникъ примиренья,
Въ немъ смерти радостная вѣсть.

(Помолчавъ.)

Но умереть... лежать въ могилѣ тѣсной...
Быть снѣдію червей...

(Положивъ руку на сердце.)

Нѣтъ замолчи!
Я чувствую, что твой обманчивъ голосъ,
Ему внимать не долженъ болѣ я!
Но голова горитъ, и грудь пылаетъ;
Подъ ставкою мнѣ тягостно дышать.

(Выходитъ на площадку и встрѣчаетъ Мещеряка.)

Я в л е н і е 2.

Е р м а к ъ и М е щ е р я к ъ.

Е р м а к ъ.

А! Мещерякъ! ты здѣсь, весь станъ въ покоѣ,
Всѣ Козаки, вкушая сладкій сонъ,
Свои труды и подвиги забыли,
И счастливы на время: ты одинъ
Блуждаешь, какъ ночное привидѣнье,
Гонимое изъ тишины гробовъ

Воспоминаньями минувшей жизни.
Неужели на бархатныхъ коврахъ
И подъ парчей, добычею Сибири,
Тебя бѣжитъ покой?

МЕЩЕРЯКЪ.

Что Козаку
До бархатныхъ ковровъ? Не также-ль крѣпко
Въ степяхъ засну я на землѣ сырой,
Подъ хладнымъ кровомъ пасмурнаго неба,
Какъ здѣсь подъ блескомъ ткани золотой?
Но я люблю блуждать во мракѣ ночи:
Она, какъ я, угрюма и дика,
И болѣе сходна съ моей душою,
Чѣмъ солнца свѣтъ и дня веселый блескъ.

ЕРМАКЪ.

Ты обошелъ весь станъ?

МЕЩЕРЯКЪ.

Да.

ЕРМАКЪ.

Все безмолвно?

МЕЩЕРЯКЪ.

Одинъ шамъ пѣлъ про свѣтлую луну,
И про любовь, про радость и про слезы;
Но я велѣлъ ему молчать.

ЕРМАКЪ.

Мой другъ!

Не прерывай пѣвца мечтаній сладкихъ,
Оставь его, когда, въ тиши ночей,
Онъ вдохновенья тихій гласъ внимаетъ,
И бурю чувствъ и сердца тайный огнь
Высокой пѣснѣ повѣряетъ.
О, счастливъ тотъ, кто могъ остановить
Восторга краткія мгновенья,
И въ слово смертное излить
Души безсмертныя волненья.

Мещерякъ.

Но отъ чего же ты не спишь, Ермакъ?
Какая мысль твою тревожитъ душу?

Ермакъ.

Я думалъ о прошедшемъ и считалъ,
Какъ скоро къ намъ Кольцо̀ вернуться долженъ.

Мещерякъ.

И ты его нетерпѣливо ждешь?

Ермакъ.

Да ктожъ изъ насъ быть можетъ равнодушнымъ,
Когда онъ вѣсть прощенья намъ несетъ?
Мнѣ, можетъ быть, отца благословенье.

Мещерякъ.

И ты тогда въ торжественныхъ вѣнцахъ
Со славою въ Россію возвратишься,
Среди благословеній, средь молитвъ,
При радостныхъ толпы рукоплесканьяхъ,
Сибири гордой побѣдитель?

Ермакъ.

Я!
Знай, Мещерякъ, не счастіе, не радость,
Но смерти гласъ мнѣ будетъ эта вѣсть.

Мещерякъ.

Да почему же?

Ермакъ.

Сердце не обманетъ;
Не тщетно небо говорило мнѣ.

Мещерякъ.

И ты желаешь смерти?

Ермакъ.

Какъ преступникъ
Прощенія отъ праведныхъ судей.

Мещерякъ.

Ты молодъ: жизнь твоя лишь разцвѣтаетъ:
Едва еще ты омочилъ уста̀
Въ ея блестящей и волшебной чашѣ,
И хочешь оттолкнуть ее. Ермакъ!
Какъ много радостей и наслажденій,
Какъ много счастія она хранитъ!
Ты зналъ несчастье; но оно минуло
И новый свѣтъ блистаетъ для тебя.
Ты былъ преступникъ; но своею кровью,
Сраженьями за Русскую страну,
Побѣдами и торжествомъ и славой,
Ты стыдъ и преступленіе омылъ.

Да! лишь теперь надъ головой твоею
Взошла надежды свѣтлая звѣзда.
И ты желаешь смерти?

Ермакъ.

Другъ! все тщетно!
Мои побѣды, слава и труды
Не воскресятъ погибшаго на вѣки;
Я былъ преступникомъ.

Мещерякъ.

Ты былъ! но чтожъ?
Раскаяньемъ ты съ небомъ примирился.
Оставь воспоминанія, Ермакъ!
Гонимый злобой, местію неправой,
Потомъ, стремясь къ сраженьямъ и трудамъ,
Ты зналъ еще лишь непогоды жизни,
Въ твоей душѣ пылалъ огонь страстей
Губительный, а не животворящій;
Но онъ утихнетъ; сердце отдохнетъ
И новыя въ немъ чувства возродятся.
Ахъ! міръ прелестенъ! и его дары
Неистощимы, такъ какъ благость неба.
Ты видишь, я угрюмъ: моей душѣ
Какъ много неизвѣстно наслажденій!
Но жизнь сладка и для меня: и мнѣ
Она даетъ отраду и веселье.
А ты! о, ты для счастія рожденъ,
И для него тебя хранило небо.
Тебя все радуетъ, прельщаетъ все,
И ясный день съ его великолѣпьемъ,

И ночь съ ея таинственною мглой,
И эта твердь блестящая звѣздами,
И свѣтлый видъ смѣющихся полей,
И звучныя мечтанья пѣснопѣвца :
И ты желаешь смерти.

(Ермакъ вздыхаетъ.)

Мещерякъ *(продолжаетъ).*

О ! любовь
Еще придетъ твой юный вѣкъ украситъ.
Она безвѣстна мнѣ, но, говорятъ,
Она такъ радостна въ своихъ наградахъ,
Такъ сладостна въ мученіяхъ своихъ !
Съ ней сладко всё : она на тучахъ рока
Какъ радуга небесная горитъ,
И бѣдствія и гибель украшая.
И ты ее узнаешь.

Ермакъ.

Мещерякъ !
Я зналъ ее, она мнѣ улыбалась,
Надъ жизнію моей она взошла
Какъ юный Май надъ хладною землею ;
Но все прошло : на вѣкъ погибло все.
Межъ ей и мной возстали грозны тѣни
И льется кровь. Смотри — на сей рукѣ
Есть пятна, — ты не видишь ихъ, — ни слезы,
Ни кровь враговъ сраженныхъ мной въ бояхъ .
Ни что, ни что не смоетъ ихъ; о другъ мой !
Да, я любилъ, но счастья срокъ протекъ.

Пусть смерть придетъ: объ жизни не жалѣю,
Уже давно отцвѣлъ мой юный вѣкъ.

Мещерякъ.

А слава?

Ермакъ.

Ахъ!

Мещерякъ.

Но что она? пустое
Мечтанье, слово, дымъ одинъ, ничто.
Разсказъ вечерній стариковъ болтливыхъ
О томъ, кто ихъ не слышитъ и лежитъ
Глубоко подъ землей въ могилѣ темной.
Не правда ли, Ермакъ?... Но ты молчишь.
Но, можетъ быть, ты думаешь, что сладко
Побѣдами безсмертіе стяжать,
И съ именемъ и съ памятью дѣяній
Позднѣйшему потомству передать
Сокровище высокихъ вспоминаній.
О, полно! это лишь обманъ пустой!

Ермакъ *(съ восторгомъ)*.

Но сладокъ онъ! Мечта! но все мечтанье,
И жизнь сама не есть ли тяжкій сонъ,
Отъ коего мы съ смертью пробудимся?
Она мечта; но ею красенъ міръ,
Она трудовъ и подвиговъ награда,
Она кумиръ возвышенныхъ сердецъ.
Мечта, но въ слѣдъ за ней стремится воинъ,
Ее поетъ восторженный пѣвецъ.

Ея рука незримо воздвигаетъ
Надъ полемъ брани памятникъ златой,
И надъ могилой хладной и нѣмой
Небесное сіянье зажигаетъ.

Мещерякъ.

Ты въ поприще ея едва вступилъ.
Она тебѣ еще вѣнцы готовитъ;
И путь завоеваній и торжествъ
Передъ тобой блеститъ необозримый.
И ты желаешь смерти.

Ермакъ.

Перестань!
О Мещерякъ! ты растравляешь раны
Сокрытыя въ сердечной глубинѣ.
Да: я страшился этихъ тяжкихъ мыслей,
А ты ихъ пробуждаешь. Умереть,
Когда огонь въ груди и въ мышцахъ сила,
Когда такъ бурно въ жилахъ кровь кипитъ,
Когда душа стремится лишь къ побѣдамъ,
И весело въ рукахъ играетъ мечь.
О другъ мой!

Мещерякъ.

Перестань объ этомъ думать.

Ермакъ.

Теперь вступилъ я въ поприще торжествъ.
Теперь свершились гордыя надежды,
Которымъ я и вѣрить ужъ не смѣлъ.
И должно умереть.

Мещерякъ.

Оставь мечтанья.

Ермакъ.

Я чувствую, что здѣсь пылаетъ духъ
Готовый звать вселенную на битву.
Я чувствую, что я бы могъ еще
Судьбою править среди волнъ сраженья;
Что этотъ мечь открылъ бы славный путь
Въ толпы враговъ трепещущихъ и блѣдныхъ:
Но тщетно все: склониться въ темный гробъ.
Простившись съ юной несозрѣвшей жизнью,
И тамъ заснуть, снѣдь тлѣнья и червей,
Холодный трупъ, безчувственный, забытый,
Подобный тѣмъ, которыхъ предъ собой
Я въ битвахъ гналъ, какъ стадо слабыхъ ланей
Подобный тѣмъ, въ которыхъ не пылалъ
Огонь и чувствъ и мыслей благородныхъ;
Въ чьемъ робкомъ сердцѣ жизнь сама была
Вода гніющая въ болотѣ смрадномъ.
Быть имъ подобнымъ: какъ они, лежать
Подъ тяжкою могильною доскою,
Потоптанной небрежною стопой
Пришельцевъ и звѣрей пустынь Сибирскихъ.
О! Это горестная мысль!... Мечты
Счастливыхъ дней моихъ, вы не свершитесь!
Я прежде думалъ, будущимъ вѣкамъ
И имя передать и память дѣлъ
Записанныхъ на лѣтописяхъ славы.
Я прежде думалъ, что хваля вождя

Безстрашнаго, счастливаго во бранях,
Любящаго отечественный край,
Как жизнь, иль нѣт! как упованье рая,
Потомство скажет, доверша хвалу:
А! Этот вождь был Ермаку подобен!
Ах! для тебя сражаться я хотѣл
Мой край родной, отчизна дорогая;
Как радостно, врагов твоих карая,
Я в бурю битвы бы летѣл.
Я чувствую, со мной была-б побѣда,
Ты Польша пала бы; ты пала-б гордость Шведа;
И, поразив коварный Крым,
Я бы поставил град Царей священной
На высоты, отколѣ древній Рим
Гремѣл над трепетной вселенной.

(Вздохнув.)

Да: это были сладкія мечты,
Но воспоминаніе об них жестоко,
Ах! для чего ты вновь их пробудил
В душѣ, гдѣ уж давно онѣ молчали.
Им не свершиться: пусть же смерть придет.—
Когда ты с вѣстью мира и прощенья
К нам возвратишься, вѣрный мой Кольцо?

Мещеряк.

Но мы не прощены еще.

Ермак.

Ужели
Ты можешь сомнѣваться в том, что Царь

Забудетъ нашъ разбой и преступленья,
Когда нашъ мечь ему даетъ Сибирь?

МЕЩЕРЯКЪ.

Онъ непреклоненъ.

ЕРМАКЪ.

Какъ! ты можешь думать?

МЕЩЕРЯКЪ.

Гдѣ Воротынскій? не его-ль рука
Спасла Царя, Москву и всю Россію?
Какую-жъ онъ награду получилъ —
Ты знаешь самъ.

ЕРМАКЪ.

Но что за шумъ я слышу?

(Входитъ Козакъ.)

Гонецъ съ границъ Россіи прибылъ въ станъ.

Явленіе 3.

Тѣже и Заруцкій.

Ермакъ.

Пусть онъ придетъ!

(Къ входящему Заруцкому.)

А, это ты, Заруцкій,

Ты съ Камскихъ береговъ?

Заруцкій.

Да, Атаманъ.

Ермакъ.

Давно ли ты отправленъ?

Заруцкій.

Слишкомъ мѣсяцъ.

Ермакъ.

За чемъ такъ долго медлилъ ты въ пути?

Заруцкій.

Я не виновенъ. Среди волнъ Тагилля
Пронзенъ стрѣлой, погибъ мой вѣрный конь,
И стана твоего достигъ я пѣшій,
Блуждавши долго по глухимъ степямъ,
Изнеможенный отъ трудовъ и глада.

Ермакъ.

Какую вѣсть, мой вѣрный Панъ прислалъ?

Заруцкій.

Ты долженъ ей внимать одинъ; другіе
Пусть отойдутъ.

Ермакъ *(махнувъ рукою входившему Козаку).*

Останься Мещерякъ!
Теперь ты можешь говорить свободно.

Заруцкій.

Когда Кольцо тобою посланъ былъ
Въ Москву, чтобъ испросить у Іоанна
Проценье Козакамъ и передъ нимъ
Повергнуть наши славныя добычи,
Я былъ въ его дружинѣ; но едва
Достигли мы до стана, гдѣ тобою
Оставленъ съ войскомъ Панъ, чтобъ охранять
Россійскія границы отъ набѣговъ
Кочующихъ Татаръ и Остяковъ,
Меня остановилъ недугъ жестокій,
И долго съ смертію боролся я.
Когда же одръ болѣзни я оставилъ,
Кольцо ужъ былъ далеко. Я хотѣлъ
Въ твой станъ, къ твоей дружинѣ возвратиться;
Но Панъ меня избралъ, чтобъ принести
Тѣ вѣсти, коихъ ждали мы всечасно
Съ нетерпѣливой радостью: увы!
Какъ были мы обмануты надеждой.

Ермакъ.

Чтожъ далѣе?

Заруцкій.

Мы долго изъ Москвы
Вѣстей не слышали, гонца не зрѣли.
Но наконецъ оттуда къ намъ пришелъ
Купецъ, старикъ торгующій мѣхами.
Онъ видѣлъ какъ Кольцо̀ предсталъ къ Царю;
Его слова̀, отвѣтъ Царя онъ слышалъ.
О горестная вѣсть!

Ермакъ.

Что? говори!
Я трепещу: ужели друга къ смерти
Я посылалъ.

Заруцкій.

Спокойся! живъ Кольцо̀.
Онъ живъ; онъ съ новой сильною дружиной
Ужъ былъ тогда на Камскихъ берегахъ.
Они теперь уже въ Сибири, близко,
Ужъ можетъ быть достигли Иртыша. —
Но съ ними ихъ начальникъ, Воевода,
Назначенный намѣстникомъ въ Сибирь.

Ермакъ.

А!

Заруцкій.

Другъ твой вѣренъ, такъ какъ былъ и прежде.
Но... Атаманъ, мы прощены, мы всѣ,
Лишь ты одинъ: о Боже, къ смертной казни
Ты осужденъ!

Е р м а к ъ.

Заруцкій, хорошо.
Иди! тебѣ, я вижу, нуженъ отдыхъ.
Но помни: чтобъ въ станѣ семъ никто
Не зналъ сей вѣсти: если же узнають,
Заруцкій! видишь, тамъ течетъ Иртышъ!

(Заруцкій уходитъ.)

Я в л е н і е 4.

Е р м а к ъ, М е щ е р я к ъ.

Е р м а к ъ *(ходя по сценѣ).*

И такъ ничто, ни слезы покаянья,
Ни кровь моя, пролитая въ бояхъ,
Ни всѣ страданія, ни всѣ побѣды,
Ни сверженный Кучумъ, ни сей вѣнецъ
Сибири всей пріобрѣтенной мною,
Ничто Царя къ прощенью не склонитъ.
Ничто!

М е щ е р я к ъ.

О! это я давно предвидѣлъ.

Е р м а к ъ.

Небесный Царь, читающій въ сердцахъ,
Могъ не прощать мнѣ, могъ ко мнѣ быть строгимъ
Ты Іоаннъ! ты долженъ былъ простить.

Сравнилъ ли ты съ заслугами моими
Вины и преступленія мои?
Ты взвѣсилъ ли съ прославленной Россіей
Какой нибудь ограбленный корабль?
О, что купцевъ презрѣнные товары
Въ сравненьи съ царствомъ покореннымъ мной?
И ты пошлешь меня на казнь? о Боже!
Гдѣ-жъ правосудіе?

Мещерякъ.

Я говорилъ:
Прощенія не жди отъ Іоанна!
Но ты тогда не вѣрилъ мнѣ, Ермакъ.

Ермакъ.

Я былъ разбойникомъ: но къ преступленьямъ,
Къ разбоямъ, кто, скажи, меня послалъ?
Не ты-ль, который отдалъ всю Россію
И подданныхъ богатства, жизнь и честь
Кромечникамъ своимъ на разхищенье?
Не ты-ль, у коего законовъ мечь
Лишь беззаконья смѣлаго орудье,
Невинныхъ страхъ, преступниковъ покровъ?
Чего въ разбояхъ я искалъ? Спасенья!
Спасенья отъ неправедной вражды,
Отъ коей вся пространная Россія
Укрыть главы невинной не могла.
И вотъ за что идти я долженъ къ смерти?
О Мещерякъ! я ожидалъ ее,
Но ожидалъ, на полѣ славной брани,
На трупахъ пораженныхъ мной враговъ,

Средь торжества, среди побѣдныхъ кликовъ,
И средь друзей вздыхающихъ о мнѣ.
Я этой смерти могъ бы улыбаться,
Она и жизни сладостнѣй самой,
Съ ея надеждами, съ ея вѣнцами,
Со всемъ, что прежде взоръ плѣняло мой.
Но встрѣтить смерть на мѣстѣ лютой казни;
Но умереть какъ презрѣнный злодѣй:
При восклицаніяхъ толпы безумной
И радости смѣющихся враговъ:
Но блѣдное чело склонить на плаху,
Кроваваго безславія престолъ.
О! эта смерть, какъ Божій гнѣвъ, ужасна!

Мещерякъ.

Не обѣщал-ль у насъ съ тобой судьба?

Ермакъ.

Нѣтъ, нѣтъ! ты слышалъ, Козакамъ прощенье,
И казнь лишь мнѣ. За что? Не всѣ-ли вы
Со мною раздѣляли преступленья?
Не всѣ ли вы виновны, такъ какъ я?
За чтожъ одинъ наказанъ? О, я знаю.
Не за разбой я долженъ умереть,
И не за то, что смѣлою рукою
Я разхищалъ сокровища купцевъ,
Богатые товары иноземцевъ;
Нѣтъ: Іоаннъ простилъ бы и тогда,
Когда бы по всему теченью Волги
Всѣ корабли я сжегъ до одного.
Но слушай. Мстя за честь моей невѣсты

Я дерзкаго Опричника убилъ,
Презрѣннаго Скуратовыхъ любимца.
Вотъ, вотъ за что пойду я къ казни.

Мещерякъ.

Ты?
Ты къ казни не пойдешь: нѣтъ, нѣтъ, скорѣе
Мы за тебя погибнемъ всѣ, Ермакъ.
Ты Козаковъ, Мещеряка не знаешь,
Когда ты думать можешь, что тебя
Похитятъ изъ среды твоей дружины,
Покуда въ жилахъ нашихъ льется кровь.

Ермакъ.

Давно мнѣ, другъ, извѣстна ваша вѣрность:
Но вы такъ малочисленны, а къ намъ,
Ты слышалъ самъ, ужъ близокъ Воевода,
Съ дружиной сильной, присланной Царемъ
За головою Ермака.

Мещерякъ.

Такъ что же?
Изъ Козаковъ составлена она.
Не всѣ ль они тебя ужъ знаютъ, любятъ?
Не съ ними ли твой вѣрный другъ, Кольцо̀?
Вели́: они съ тобой соединятся
И Воевода побѣжитъ одинъ,
Гонимый страхомъ и стыдомъ, въ Россію,
Свою главу къ ногамъ Царя отнесть.
Пусть возвратясь онъ скажетъ Іоанну,
Что за тебя мы съ радостью умремъ.

О! будь вождемъ, будь нашимъ Атаманомъ,
Будь независимъ. Сохрани Сибирь,
Но для себя, для насъ и для Россіи;
И окруженъ толпой своихъ друзей,
Ермакъ, ты будешь, такъ какъ былъ доселѣ,
Непобѣдимъ и славенъ и могущъ.
Не весели погибелью своею
Свирѣпаго и дикаго безумца,
Гонителя Угодниковъ Христовыхъ,
Вѣнчаннаго врага земли родной.
Довольно Богъ уже каралъ Россію,
Довольно ранъ ей Іоаннъ нанесъ,
Онъ выпилъ кровь спасителя Россіи,
Онъ погубилъ всѣхъ доблестныхъ вождей.
Твоей главы, Кучума побѣдитель,
Твоей главы онъ хочетъ. О Ермакъ,
Ужель ее какъ жертву кровопійцѣ
Ты беззащитно хочешь самъ нести?

Ермакъ.

Нѣтъ, нѣтъ, когда моей главы онъ алчетъ,
Пусть онъ за нею рать свою пришлетъ,
Своихъ бояръ, и воеводъ безстрашныхъ.
Но кто изъ нихъ захочетъ мечь поднять
Противъ того, кто далъ Сибирь Россіи?
Пусть онъ за ней своихъ любимцевъ шлетъ,
Скуратовыхъ, Щелкалыхъ, Шуйскихъ, Глинскихъ
Которыхъ имена пойдутъ вѣкамъ
Клейменыя проклятіемъ безсмертнымъ.
Пусть самъ идетъ съ толпою Рындъ своихъ,
Съ дружиною Кромечниковъ крамольныхъ,

Съ бездушною ордою палачей.
Здѣсь не Москва, не безопасный Кремль,
Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь степь враждебная Сибири,
И вѣрные, безстрашные друзья.
Пусть онъ идетъ сюда. — Но что такое?
Тамъ въ станѣ шумъ; я слышу на стѣнахъ
Кого-то стража дважды окликаетъ.
Что можетъ это быть?

Козакъ (*входитъ*).

У нашихъ стѣнъ
Стоитъ Шаманъ Сибирской.

Ермакъ.

Пусть онъ завтра
Опять придетъ по утру.

Козакъ.

Сей отвѣтъ
Уже былъ данъ ему: но онъ клянется,
Что важную онъ вѣсть къ тебѣ принесъ.

Ермакъ.

Мнѣ вѣсть? Шаманъ.... какой нибудь обманщикъ!
Но можетъ быть.... Веди его сюда.

(*Козакъ уходитъ.*)

(*къ Мещеряку.*)

Останься здѣсь. — Меня Сибири житель
Не долженъ видѣть безъ меча и латъ.
Я передъ нимъ всегда такимъ явлюся,
Какимъ онъ зрѣлъ меня на полѣ битвъ.

(*Уходитъ въ ставку.*)

Явленіе 5.

Мещерякъ *(одинъ)*.

Возьми свой мечь, надѣнь свою кольчугу,
Они теперь тебя не защитятъ.
О, вѣрный другъ Заруцкій, ложной вѣстью
Какой огонь ты бросилъ въ грудь его!
Онъ нашъ. Ермакъ, ты не страшился смерти,
А ты страшишься казни. — Измѣни
Отчизнѣ и Царю; и вотъ награда!

(Показывая на кинжалъ.)

Да, ты падешь, не съ славой, но съ стыдомъ,
Но съ мрачною печатью преступленья,
Но небомъ проклятъ, презрѣнъ отъ людей,
Но такъ, что и въ груди моей
Заснетъ вражда и жажда мщенья.

Явленіе 6.

Мещерякъ, Козаки и послѣ Шаманъ.

1-й Козакъ *(Шаману)*.

Колдунъ, иди впередъ, да перестань свой шопотъ.

2-й Козакъ.

Послушай, Слуцкій, не серди его:
Вѣдь, Богъ вѣсть, что онъ можетъ сдѣлать съ нами.

1-й Козакъ.

А ты его боишься? Молодецъ!

2-й Козакъ.

Чему смѣешься? развѣ ты не знаешь,
Что у него нечистой самъ въ роднѣ.
Послушай, добрый старичокъ, ты вспомни,
Что я тебя ничѣмъ не обижалъ.
Ты не сердись.

1-й Козакъ.

Послушай, добрый чортъ,
Когда я вздумаю гадать со скуки,
Смотри, скорѣе приходи ко мнѣ;
А я скажу: «Чуръ наше мѣсто свято!»

Шаманъ.

Безумные!

2-й Козакъ первому.

Ужъ быть бѣдѣ съ тобой.

(Козаки уходятъ.)

Явленіе 7.

Мещерякъ, Шаманъ, Ермакъ *(выходитъ вооруженный)*

Ермакъ.

Шаманъ, я знаю, что у васъ обычай
Обманывать притворнымъ колдовствомъ
Непросвѣщенныхъ жителей Сибири.
Когда ты для сего въ нашъ станъ пришелъ,
То дурно выбралъ ты и часъ и мѣсто,
Чтобы искусство показать свое;
Теперь ужъ полночь, тихій часъ покоя,
И здѣсь не юрта бѣдныхъ Остяковъ,
Гдѣ легковѣрьемъ глупаго народа
Питается вашъ дерзостный обманъ.
Иди жъ назадъ: когда же съ важной вѣстью
Ты къ намъ пришелъ, то говори скорѣй.

Шаманъ.

И ты, Ермакъ, какъ всѣ вы дѣти праха,
Наружностью пустою обаянъ,
И вѣря слабому разсудку, видишь
Одинъ обманъ лишь тамъ, гдѣ, можетъ быть,
Скрывается могущее искусство.
Но для чего объ этомъ говорить?
Не для бесѣды суетной и тщетной
О томъ, что непонятно для тебя,
Къ тебѣ пришелъ я: нѣтъ, бесѣда наша
Рѣшитъ судьбу твою. Сибири всей,
И, можетъ быть. народовъ полвселенной.

Къ чему же между насъ свидѣтель сей?
Къ тебѣ я присланъ, и съ однимъ тобою
Я долженъ говорить. Уже ли ты
Измѣны ждешь отъ стараго Шамана!

Ермакъ.

Когда бы ты хотѣлъ мнѣ измѣнить,
Со мной, ты видишь, есть защитникъ вѣрный,

(показывая на мечь.)

Съ которымъ нечего страшиться мнѣ.
Но это другъ мой. Говори же смѣло.

Шаманъ.

Ермакъ, твой мечь ужъ покорилъ Сибирь:
Кучумъ бѣжалъ въ полуденныя степи
Свой стыдъ и пораженіе сокрыть.
Могущее разрушилося Царство,
Престолъ богатый, древній палъ во прахъ.
Такъ повелѣли мощные Шайтаны,
Властители и міра и Судьбы.
Ты покорилъ Сибирь, ты такъ мечтаешь,
Но подвигъ твой еще не совершенъ.
У насъ ужъ нѣтъ Царя, ужъ нѣтъ престола,
Но есть еще свобода: и за ней
Пойдемъ мы въ слѣдъ на край далекій свѣта,
Оставя родину, предѣлъ отцевъ,
И васъ, поля священныя Сибири.
Но не безъ боя мы оставимъ ихъ;
Еще польется кровь, вспылаютъ битвы,
И смерть свой грозный пиръ возобновитъ.
Мы можемъ умереть, но мы не склонимъ

Своей главы предъ властію чужой ;
Мы можемъ умереть, но такъ какъ жили :
Какъ вольные сыны земли родной.

Е р м а к ъ.

Ты забываешь, старецъ неразумный,
Что въ Русскомъ станѣ ты, что говоришь
Предъ Ермакомъ.

Ш а м а н ъ.

(Смотритъ на него съ твердостію, а Ермакъ дѣлаетъ ему знак продолжать).

Внимай же мнѣ !
Кучумъ отвергнутъ Рачей всемогущимъ
За то, что онъ покрылъ свою главу
Презрѣнною чалмою иноземцовъ :
И, позабывъ законъ отцевъ своихъ,
Сталъ умерщвлять служителей Шайтановъ.
Да будетъ проклятъ онъ ! Его глава
Да будетъ снѣдію волковъ пустынныхъ !
Ты-небомъ избранный, ты низпровергъ
Его престолъ златой ; Мехмета Кулу
Безстрашнаго, подобнаго Богамъ,
Ты побѣдилъ въ единоборствѣ славномъ,
И, побѣдивъ, повлекъ въ постыдный плѣнъ.
И нѣтъ у насъ Царя ! Главы народовъ
Собравшися сказали : «Царь звѣрей
«Не есть ли Бабръ ловцевъ отважныхъ трепетъ?
«Не Беркутъ ли пернатыхъ грозный царь ?
«Но кпожъ изъ смертныхъ, такъ какъ Бабръ, без-
страшенъ,

«Кто къ битвамъ такъ, какъ Беркутъ, полетитъ?»
Ермакъ, Ермакъ! ты будь Царемъ Сибири!

Мещерякъ.

О счастіе! Не небо ли само,
Ермакъ, тебя незримо защищаетъ?
Ты осужденъ на казнь, твоя глава
Должна упасть на плахѣ беззаконной;
И предъ тобой блеститъ Вѣнецъ.

Ермакъ.

Шаманъ!
Могу ль я быть Владыкою Сибири?
Я Христіанинъ! Не уже ли вы
Мечтаете, что для вѣнца земнаго
Я отступлю отъ Бога самаго,
И преклоню преступныя колѣна
Передъ кумиромъ мертвымъ и нѣмымъ?

Шаманъ.

О нѣтъ! будь Христіаниномъ какъ прежде,
Но насъ оставь служить своимъ Богамъ.

Мещерякъ.

Ермакъ, уже ль ты можешь колебаться?

Шаманъ.

Ты мнѣ не вѣришь. Съ раннею зарей
Пусть завтра вѣтеръ развѣваетъ знамя
Сибирское надъ ставкою твоей,
И узришь ты, окрестные народы
Веселыми толпами притекутъ.

Когда же нѣтъ, подъ остріемъ сѣкиры
Пусть завтра же падётъ моя глава.
Ты мнѣ не вѣришь? Ты слыхалъ конечно,
Что древніе Сибирскіе Цари
Въ священномъ капищѣ, рукой Шамана
Вѣнчалися таинственнымъ вѣнцемъ.
Онъ не блисталъ на головѣ Кучума,
Онъ не вѣнчалъ преступнаго чела.
Онъ былъ сокрытъ, и я его хранитель —
Онъ былъ сокрытъ, и ты одинъ, Ермакъ,
Боговъ любимецъ, былъ его достоинъ.
И сей вѣнецъ — онъ здѣсь,—онъ предъ тобой.

(Изъ подъ полы вынимаетъ и подаетъ Вѣнецъ.)

МЕЩЕРЯКЪ.

И ты колеблешься? Но вспомни, что въ Россіи
Тебѣ блеститъ сѣкира палача,
Что Іоаннъ свирѣпъ и непреклоненъ.

ШАМАНЪ.

Надѣнь вѣнецъ сей. На твоихъ власахъ
Какъ заблеститъ онъ свѣтлыми лучами!
Надѣнь его; онъ будетъ надъ тобой
Сіять такъ, какъ вѣнецъ Шайтановъ золотой
Усѣянный безсмертными звѣздами.
Надѣнь его, и въ завтрашній же день
Увидишь ты, что сто народовъ разныхъ
Передъ тобой склонятъ чело во прахъ.
Всѣ племена отъ дальняго Китая
До Камскихъ и Уральскихъ береговъ,
Отъ Каспія до вѣчныхъ льдовъ полнощныхъ,
Всѣ назовутъ тебя своимъ Царемъ.

Мещерякъ.

Мы всѣ съ тобою умереть готовы;
Но мы отъ смерти не спасемъ тебя.
Мы вѣрны, но насъ мало; неизчетны
Дружины Іоанновы. Ермакъ!
За нами рать враждебная Россіи,
А впереди враждебная Сибирь.
Прими вѣнецъ сей.

Шаманъ.

Мы тебя видали
Когда ты, среди мрака грозныхъ битвъ,
Блисталъ какъ молньи лучь въ престолѣ Рачи.
Какъ грозенъ ты и какъ прекрасенъ былъ:
Ты шелъ и предъ тобою рать склонялась
Какъ волны предъ могущимъ кораблемъ;
Ты шелъ спокойно, веселяся брани,
Играя съ ней, какъ съ другомъ юныхъ лѣтъ.
Ты падшихъ миловалъ, сражалъ надменныхъ,
Дерзающихъ твой тяжкій встрѣтить мечь.
Тогда я восклицалъ, исполненъ восхищенья:
«Вы видите ль, идетъ Шайтанъ сраженья
«Дающій жизнь, дающій смерть.«
О будь нашъ Царь! Какъ весело съ тобою
Пойдутъ къ побѣдамъ наши племена:
Кто могъ бы смерти за тебя бояться?

Мещерякъ.

Ермакъ, прими вѣнецъ! Всѣ Козаки
Вокругъ тебя съ восторгомъ соберутся;
Твои защитники, твои друзья,

Тебѣ неизмѣнлющіе слуги.
Къ тебѣ изъ нѣдръ страдающей Россіи
Непобѣдимая стечется рать.
Гдѣ Новоградъ разрушенъ до основы,
Гдѣ средь убійствъ, въ разхищенномъ Торжкѣ
Опричники поспѣшно пировали,
Тамъ бѣдные, лишенные всего
Свирѣпою опалой Іоанна
Скитаются, безъ пищи, безъ пріюта.
Они къ тебѣ какъ къ небу прибѣгутъ;
Защитникъ ихъ, покровъ ихъ, ихъ спаситель,
Ты имъ отдашь надежду, счастье, жизнь.

Ш а м а н ъ.

Прими вѣнецъ, и полети къ побѣдамъ,
Отъ торжества стремися къ торжеству.
Передъ тобой въ ничто падутъ престолы,
Какъ передъ взглядомъ утра легкій паръ.
Передъ тобой Чингисъ, Тимуръ забыты,
Полъ-Азіей твой управляетъ мечь.
Твоимъ словамъ вселенная внимаетъ.

М е щ е р я к ъ.

Ты къ смерти осужденъ. Будь Царь Сибирскихъ
странъ,
Полунощи могущій повелитель
И предъ тобой смирится Іоаннъ
Невиннаго неистовый гонитель.
Но для чего же мѣдлишь ты? Рѣшись.

Ш а м а н ъ.

Будь, будь Царемъ, спасителемъ Сибири.

Ермакъ

(во все это время стоявшій у большаго камня въ задумчивости).

Идите! я вамъ вскорѣ дамъ отвѣтъ,
А вы вблизи рѣшенья дожидайтесь.

Мещерякъ *(уходя).*

Но помни. Выборъ твой: вѣнецъ иль смерть.

(Уходитъ и Шаманъ, положивъ вѣнецъ на камне передъ Ермакомъ.)

Явленіе 8.

Ермакъ одинъ.

Ермакъ.

Здѣсь быть Царемъ, тамъ умереть на плахѣ!
Царемъ, владѣть судьбою ста племенъ,
Быть Богомъ ихъ, ихъ зримымъ Провидѣньемъ.
О гордая, но сладостная мысль!
Сказать войнѣ: пылай! и кровь ліется;
Велѣть: будь миръ, и счастлива земля;
Зрѣть предъ собой склоненные народы
И взглядомъ, маніемъ однимъ руки
Имъ страхъ внушать, вливать въ ихъ сердце радость;
Давать имъ жизнь, иль къ смерти посылать,
И лишь отъ неба ждать своей судьбины,
Предъ нимъ однимъ главу свою склонять....
Не это ли вѣнецъ мнѣ предлагаетъ?...
Но родина.... За подвиги мои

Какая же тамъ ждетъ меня награда?....
Отечество?... чтожъ?... защититъ оно
Меня отъ злобы гнуснаго злодѣя?
Я за Россію кровь свою пролилъ;
Но между мной и грозною сѣкирой
Простретъ ли длань спасенія она?
О нѣтъ!... и я пойду на мѣсто казни,
Чтобъ веселить Скурашовыхъ сердца,
Чтобъ Іоаннъ сказалъ съ свирѣпымъ смѣхомъ:
«Вы видите ль, онъ покорилъ Сибирь;
«Но я смѣюся надъ его безсильемъ.«
Сказалъ, и стая кровожадныхъ псовъ
Ему хвалу надъ плахою завыла?
Нѣтъ, Іоаннъ! Ты хочешь сей главы?
Придижъ за ней въ Сибирскія пустыни!
Приди за ней: тебя здѣсь ждетъ Ермакъ,
Не съ горькими, безсильными слезами,
Не съ тщетною мольбою на устахъ;
Но какъ боецъ съ мечемъ въ могущей длани,
Какъ смѣлый вождь, готовый къ лютой брани,
Какъ мощный Царь, полнощи властелинъ,
Сіяющій въ вѣнцѣ средь пламенныхъ дружинъ.

(Беретъ вѣнецъ.)

А ты, о даръ нежданный рока,
Вѣнецъ, главу мою покрой!
Вокругъ тебя сокровища Востока
Блестятъ таинственной игрой.
Но взоры Ермака плѣняетъ
Не изумрудъ, не огненный алмазъ:
Нѣтъ, твой волшебный блескъ отъ смертныхъ глазъ

Богатства тайныя скрываетъ.
Въ тебѣ невидимы отрада и покой,
И гордая свободы радость,
И власти безпредѣльной сладость,
И лучь безсмертья не земной.
Всѣ упоенія надежды дерзновенной,
Всѣ сердца смѣлыя мечты,
И всѣ сокровища, все счастіе вселенной,
Въ свой тѣсный кругъ соединяешь ты!
Приди жь, приди ко мнѣ, вѣнецъ Сибири...

Сибири?... но ея ужъ нѣтъ: она
Покорена Россіи. — О, Ермакъ!
О чемъ мечталъ ты и какой преступной
Надеждою ты былъ теперь прельщенъ?
Умри, умри! — Ты думалъ объ измѣнѣ.

(Кладетъ вѣнецъ опять на камень.)

Прочь отъ меня обманчивый вѣнецъ!
Сокрой свое коварное сіянье.
Несносенъ мнѣ его укорный видъ,
Въ его лучахъ глазамъ моимъ горитъ
Мое преступное мечтанье
И неизгладимый мой стыдъ.
Прочь отъ меня. — Теперь я Русской снова! —

Шаманъ!

Явленіе 9.

Ермакъ. Мещерякъ вбѣгаетъ, за нимъ Шаманъ

Мещерякъ.

Ты избралъ?

Ермакъ.

Избралъ.

Мещерякъ.

Царство?

Ермакъ.

Смерть.

(Шаманъ закрываетъ лице.)

Мещерякъ

О небо! Вспомни, что ты отвергаешь.

Ермакъ.

Прекрати напрасный разговоръ!

Мещерякъ.

Нѣтъ: не вѣнецъ одинъ, не блескъ престола;
Нѣтъ, ты отвергъ безсмертіе свое.
Ермакъ: тебя ждала побѣда, слава,
И все, что льститъ возвышеннымъ сердцамъ.

Ермакъ.

Я не хочу, чтобъ на моей гробницѣ
Могъ начертать потомства правый Судъ
Слова: «Ермакъ, увѣнчанный Предатель!»

Мещерякъ.

Чего?

Ермакъ.

Россіи!

Мещерякъ.

О Ермакъ, она
Не защититъ тебя отъ лютой смерти.
Россія!... многимъ ей обязанъ ты?
Законами, которыхъ мечъ кровавый
Какимъ нибудь Скуратовымъ врученъ!

Ермакъ.

И я за то Россіи долженъ мстить,
Что небо ей послало Іоанна?
Она злодѣями растерзана, попрана,
И мнѣ ли кровь ея за то пролить?
Нѣтъ: на ея страданья, на желѣзы,
На раны тяжкія ея
Есть у меня стенанье, горесть, слезы,
Но нѣтъ меча противъ нея.

Мещерякъ.

Ты хочешь смерти?

Ермакъ.

Чтожъ! Не лучше ль разомъ
Сказать и свѣту и землѣ: прощай!
Сказать судьбѣ: я отъ тебя свободенъ,
Иди, съ другими жертвами играй!
Не лучше ль смерть, чѣмъ цѣлый вѣкъ согбенный
Подъ тяжестью преступнаго вѣнца?

Вѣнца, блестящаго презрѣніемъ вселенной
И праведнымъ проклятіемъ отца?

Мещерякъ.

Ты знаешь Іоанна. На мученья
Ты, можетъ быть, пойдешь.

Ермакъ.

Я ихъ снесу.

Мещерякъ.

И на позоръ.

Ермакъ.

Меня утѣшитъ совѣсть.

Мещерякъ.

О Курбскій! ты среди дружинъ чужихъ
Нашелъ спасеніе своей гонимой жизни. . .

Ермакъ.

Но имя Курбскаго, измѣнника отчизнѣ,
Подлѣй Скуратовыхъ самихъ.

Шаманъ.

Ермакъ, Ермакъ! ты знаешь ли, какъ сладко
Отцемъ народа быть?

Ермакъ.

О, замолчи!

Шаманъ.

Быть благодѣтелемъ, его отрадой,
Его защитой? Зрѣть веселіе одно,
Внимать вокругъ благословенья,

Знать, что вездѣ, гдѣ чтится твой законъ,
Во всѣхъ странахъ твоей подвластныхъ волѣ
Ни вздоха нѣтъ, ни горести, ни слезъ—
И говоритъ: «они счастливы мною;
«Моя рука имъ льетъ дары небесъ.
«Лишь обо мнѣ предъ алтаремъ Шайтановъ
«Курится чистый фиміамъ;
«Лишь обо мнѣ моленія Шамановъ
«Восходятъ къ внемлющимъ Богамъ.»

Ермакъ.

О старецъ, рѣчь твоя сладка, но слушай:
Одна пусть капля яда упадетъ
Въ напитокъ сладкій и цѣлебный;
Сосудъ коварный и враждебный
Твоя рука со страхомъ оттолкнетъ.
Не правда ли?

Шаманъ.

Ты правъ!

Ермакъ.

Такъ слушай, старецъ.
Ты подалъ мнѣ блистающій сосудъ,
И въ немъ кипитъ напитокъ дивный: слава;
Но скрыта въ немъ смертельная отрава,
Ее измѣною зовутъ.

Шаманъ.

Ермакъ, смотри на синій сводъ небесный:
Ты видишь ли, какъ звѣзды въ немъ горятъ?
Тамъ вѣчными, блестящими чертами
Земли и смертныхъ вписана судьба.

7*

Тебѣ безвѣстны ихъ святые знаки,
Но я ихъ понимаю: въ нихъ мой взоръ
Прошедшее, грядущее читаетъ.
Не смѣйся. О! я зрѣлъ уже давно,
Что ты придешь, ведомый небесами,
Побѣдою увѣнчанный отъ нихъ.
Прими вѣнецъ, и никогда Шайтаны
Не обѣщали смертному наградъ
Подобныхъ тѣмъ, которыя польются
На юную твою главу. Ермакъ, Ермакъ!
Прими вѣнецъ, и никогда въ подлунной
Другой престолъ такъ не сіялъ, какъ твой.
Отвергни: ты погибъ, Сибирь погибла.

Ермакъ.

Я не могу отчизнѣ измѣнить.

Шаманъ.

Я сорокъ лѣтъ предъ алтарями Рачи
Молилъ его, чтобъ онъ тебя склонилъ
Принять вѣнецъ, принять престолъ Сибирскій.

Ермакъ.

Я не могу, не долженъ.

Шаманъ.

О, Ермакъ!
Мы не склонимъ главы передъ Россіей,
Мы здѣсь умремъ, иль откочуемъ вдаль,
Чтобъ умереть среди пустынь суровыхъ,
Среди враждебныхъ и чужихъ племенъ.
Сибирь погибнетъ, царство опустѣетъ.

(Бросается на колѣни.)

О, сжалься надъ Сибирью, надъ собой,
И надо-мной полуумершимъ старцемъ.
Не отвергай моей мольбы, Ермакъ!
Не дай мнѣ пережить моей отчизны,
Не дай мнѣ слезъ, кровавыхъ слезъ пролить
Надъ царствомъ симъ, разрушеннымъ на вѣки,
И надъ тобой. Прими, прими вѣнецъ.
Ты видишь, я твои колѣна обнимаю. . .
Ермакъ! Мой юный сынъ погибъ въ бою,
И можетъ быть тобой. . . я длань твою
Теперь съ слезами и мольбой лобзаю.
О, сжалься надъ Сибирью!

ЕРМАКЪ.

Встань, Шаманъ.

ШАМАНЪ.

Не говори мнѣ: встань. Когда я встану,
Все будетъ рѣшено: и смерть твоя
И вѣчное паденіе Сибири.
Ты видишь, я теперь у ногъ твоихъ,
Твой подданный. . . Но встану—грозный мститель
За родину, сраженную тобой!

ЕРМАКЪ.

Ты мнѣ отмстишь? Нѣтъ, старецъ, я на плахѣ
Свой кончу вѣкъ, — таковъ законъ Царя.

ШАМАНЪ.

Ты кончишь вѣкъ на плахѣ? подъ сѣкирой
Ты склонишь мощную главу? нѣтъ, нѣтъ!
Ты здѣсь умрешь, гдѣ побѣждалъ, въ Сибири,

Измѣною обманчивыхъ друзей;
Иль примешь сей вѣнецъ, залогъ побѣды,
Залогъ счастливыхъ, славныхъ, долгихъ дней.
Спаси Сибирь, спаси себя.

(Подаетъ вѣнецъ.)

Ермакъ *(отходя въ сторону).*

Я Русской!

(Садится на камнѣ у ставки и погружается въ глубокую задумчивость.)

Шаманъ *(встаетъ).*

О небеса! все рѣшено на вѣкъ.
Сибирь погибла, ты погибъ. О, горе!
О, горе! плачь Шаманъ и умирай.
О, царство древнее! о, родина святая!
Тебя Шаманъ твой старый пережилъ;
Онъ зрѣлъ паденіе твое не умирая,
И надъ тобой лишь слезы лилъ.
Нѣтъ, нѣтъ! отмщу я за тебя: погибнетъ,
Погибнетъ мной разрушившій тебя.
Но ты разрушенъ, ты не встанешь
Изъ пепла своего, мой край родной;
Вѣка пройдутъ, и къ битвамъ ты не грянешь,
И не блеснешь ты мирною красой.

(Приподнимая вѣнецъ.)

А ты, вѣнецъ! Никто передъ тобою
Не склонится трепещущимъ челомъ:
Не будешь ты сіять надъ смертною главою;
Иди жъ сіять на Иртышѣ сѣдомъ.
Но ты, Ермакъ, ты будешь жертвой мщенья.
Такъ небомъ велѣно. Я старъ и слабъ,

Но хитростью, обманомъ и коварствомъ
Я долженъ, долженъ погубить тебя!

(Немного помолчавъ.)

Прощай. Но вскорѣ встрѣтимся мы снова.

(Идетъ и возвращается къ Ермаку.)

Ахъ, дай мнѣ слезы надъ тобой пролить,
Твоей красой дай взоръ насытить жадный.
Увы, какъ скоро ты умрешь, Ермакъ!
Но ты умрешь потомствомъ не забытый;
Нѣтъ, память о тебѣ пойдетъ изъ рода въ родъ,
Къ дальнѣйшимъ временамъ, съ безсмертною хвалою.
И никогда вѣковъ надъ мутною волною
Никто тебѣ подобный не блеснетъ.
Какъ дикіе полуночи Бураны,
Такъ былъ ужасенъ ты въ бояхъ;
Но къ побѣжденнымъ былъ ты благъ,
Какъ солнце свѣтлые Шайтаны.
Но ты умрешь: я долженъ отомстить
За царство падшее твоей рукой.
И юную сію главу,
Могущую владѣть громами,
Съ своими бѣлыми власами
Я, слабый старецъ, я переживу:
Я отомщу, — такъ небо повелѣло.
Но отомстивъ, я лягу умирать,
И надъ Сибирью, надъ тобою
Такъ горько стану я рыдать,
Какъ безутѣшно плачетъ мать
Надъ сыномъ спящимъ подъ землею.

(Уходитъ.)

Явленіе 10.

Ермакъ и Мещерякъ

(къ концу приходитъ Заруцкій).

Ермакъ.

Моя судьба рѣшилась наконецъ:
Меня ждетъ смерть, и, можетъ быть, безславье!
Увы! — Но нѣтъ! мнѣ не о чемъ жалѣть.
Прости мнѣ вздохъ сей, о страна родная!...
Тебѣ бывъ вѣрнымъ, умереть?...
Иль измѣнивъ, вѣнцомъ владѣть?...
Нѣтъ! умереть не измѣняя!

(Къ Мещеряку, которой жметъ ему руку.)

Прощай, мой другъ.

(Уходитъ въ ставку.)

Мещерякъ *(входящему Заруцкому).*

Заруцкій, онъ умретъ!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Утро.

Сцена представляетъ съ одной стороны лѣсъ, а съ другой скалы и груды каменьевъ.

Явленіе І.

— —

Мещерякъ. Заруцкій.

Мещерякъ.

Сюда хотѣлъ придти Шаманъ?

Заруцкій.

Сюда.

Мещерякъ.

За чѣмъ же нѣтъ его? Къ чему онъ медлитъ?
Онъ, можетъ быть, обманываетъ насъ.

Заруцкій.

Нѣтъ; быть не можетъ.

Мещерякъ.

Почему-жъ не можетъ?
И отъ чего Шаману вѣрнымъ быть,
Когда вездѣ лишь ложь, коварство, хитрость,
И самый міръ большой обманъ?

Заруцкій.

Онъ обѣщалъ.

Мещерякъ.

И ты ему повѣрилъ?
Но ты не обѣщалъ ли Ермаку,
Ему быть вѣрнымъ? Я ему не другъ ли?
А для чего мы здѣсь? Когда Шаманъ
Не измѣнилъ намъ, что же онъ такъ долго
Нейдетъ въ то мѣсто, гдѣ мы ждемъ его?

Заруцкій.

Смотри мой другъ: сгарая нетерпѣньемъ,
Ты упредилъ румяную зарю;
А онъ придти съ восходомъ солнца долженъ.
За чѣмъ же ропщешь ты? Но, Мещерякъ,
Мнѣ кажется, что сонъ рукою тихой
Не закрывалъ сегодня вѣждъ твоихъ.
Когда я просыпался, подъ наметомъ
Ходилъ ты быстро съ пасмурнымъ челомъ,
Въ полголоса бесѣдуя съ собою;
Какъ будто бы въ безмолвіи ночномъ
Вокругъ тебя летали привидѣнья,
Къ которымъ рѣчь ты обращалъ свою.
Скажи, какая мысль?

Мещерякъ.

Кольцо̀ ужъ близко?

Заруцкій.

Я думаю, съ дружиною своей
Онъ нынче-жъ, завтра ли въ нашъ станъ прибудетъ.

Мещерякъ.

Ермакъ. Намѣстникомъ Царя. . . Ермакъ!
И ты не знаешь, что меня тревожитъ? . . .
Ермакъ! — Но слушай. — Вѣстію своею,
Казалось, ты воспламенилъ въ немъ душу.
Онъ смерти ждалъ, о мщеньи говорилъ,
И сладкими, коварными словами
Я разжигалъ раждающійся гнѣвъ,
И вдругъ! — Но сей разсказъ еще сугубитъ
Мученія тёрзаемой души.
Знай: передъ нимъ лежалъ вѣнецъ Сибири,
И онъ! онъ смерть измѣнѣ предпочелъ!

Заруцкій.

Безумный!

Мещерякъ.

Если вы не тщетная мечта, —
Дътей и женъ страшилище пустое,—
Придите, я на помощь васъ зову,
Властители обители подземной!
Я вашъ, я вашъ! лишь мщенье дайте мнѣ!
Я не страшуся вашихъ мукъ: идите,
Страшнѣе вашего есть адъ въ груди моей!

Явленіе 2.

Тѣже и Шаманъ.

Шаманъ

(становится въ рѣй передъ ними. Мещерякъ и Заруцкій отступаютъ.

Ты ждалъ меня. Но чтожъ вы содрогнулись?
Уже ли старецъ вамъ внушаетъ страхъ?
Иль, можетъ быть, измѣны вы страшитесь?
Но нѣтъ; я знаю: на моемъ челѣ
Читаете вы: »мщенье за отчизну!«
И зрите рока грозную печать.
Но для чего въ семъ мѣстѣ удаленномъ,
Козакъ, желалъ ты говорить со мною?

Мещерякъ.

Ты хочешь Ермаку отмстить?

Шаманъ.

Я долженъ!
На это Рача дни мои продлилъ,
На это въ старческіе члены
И жизнь и огнь онъ снова влилъ,
И духъ, лѣтами усыпленный,
Къ трудамъ кровавымъ пробудилъ!

Мещерякъ.

Знай: къ Ермаку и я вражду питаю,
И смерть одна съ нимъ примиритъ меня.

Шаманъ.

Ты?

Мещерякъ.

Я!

Шаманъ.

Кого онъ другомъ называетъ,
Кому какъ брату довѣрленъ онъ...
И ты къ нему вражду питаешь тайно?...
Нѣтъ, ты хотѣлъ смѣяться надо мной.

(Хочетъ уйти.)

Мещерякъ.

Остановися. Я тебѣ клянуся.

Шаманъ.

Нѣтъ, не клянись. — Когда я къ вамъ пришелъ,
Ты содрогнулся... да, теперь я вѣрю:
Измѣна у тебя была въ душѣ.

Мещерякъ.

Шаманъ!

Шаманъ.

Исполненъ силъ, вооруженный,
Ты передъ слабымъ старцемъ трепеталъ.
Да, вѣрю я. Гласъ совѣсти смятенной
Тебѣ внезапный страхъ тогда внушалъ.

Мещерякъ.

Шаманъ, я здѣсь не для бесѣды тщетной.
Ты вѣришь мнѣ? Внимай же рѣчь мою.

Ш а м а н ъ *(быстро смотря на него).*

И такъ тебя опредѣлило небо,
Чтобъ погубить измѣной Ермака?

М е щ е р я к ъ.

Что значитъ взоръ сей строгій, любопытный?

Ш а м а н ъ *(беретъ его за руку).*

Дай руку мнѣ. Отселѣ, какъ друзья,
Какъ братья, мы къ одной стремимся цѣли.
Все превозмогъ я для тебя, Сибирь!
Своей души священнѣйшія чувства
И сердца гордый гласъ я усмирилъ!
Я руку жму измѣннику, какъ другу!

М е щ е р я к ъ *(хватается за кинжалъ).*

Несмысленный старикъ!

З а р у ц к і й.

Остановись.

М е щ е р я к ъ.

Ты видишь, онъ смѣется надо мной.

З а р у ц к і й.

Но вспомни, кто намѣстникомъ Царя?

М е щ е р я к ъ.

Ты правъ, я всё снесу.
(Къ Шаману.)
О, ты не знаешь,
Сколь справедлива месть моя, Шаманъ.
Служитель мирный алтарей Шайтановъ,

Ты вѣкъ провелъ въ безмолвіи страстей,
И ты не знаешь, какъ онѣ пылаютъ
Въ груди младыхъ бойцевъ, въ груди моей.

Шаманъ.

Онѣ доселѣ мнѣ еще безвѣстны.
Козакъ! любимый сынъ Небесъ, Шаманъ
Ихъ тайны свѣтлыя въ звѣздахъ читаетъ;
Но взоръ однихъ Шайтановъ проницаетъ
Сердецъ въ обманчивый туманъ.

Мещерякъ.

И мы друзья отселѣ! Но клянися,
Что вѣренъ будешь ты своимъ словамъ.

Шаманъ.

Къ чему же клятвы? Насъ соединяетъ
Не дружество, не юная любовь;
Нѣтъ: нашъ союзъ—и ненависть и кровь;
И вѣрь, обѣтамъ месть не измѣняетъ!

Мещерякъ.

Ты говоришь о мщеньи; но скажи,
Какія войска ждутъ твоихъ велѣній?

Шаманъ.

Пять сотъ бойцевъ скрываются въ лѣсахъ,
Какъ я, горящіе враждой священной,
Готовые, какъ я, идти на смерть.
Одно лишь слово, и они стремятся.
(Слышанъ шумъ.)

Мещерякъ.

Но что за шумъ? — Заруцкій, посмотри.
(Къ Шаману.)
И эта рать безстрашна и надежна?

Заруцкій (вбѣгая).

Кольцо, Кольцо!

Мещерякъ.

Сокроемся, Шаманъ!

Шаманъ.

Здѣсь есть пещера, въ ней мы будемъ скрыты.
Я впереди; вы смѣло вслѣдъ за мной.
(Уходятъ.)

Явленіе 3.

Козаки (входятъ).

1-й Козакъ.

Я думаю, до стана не далеко.

2-й Козакъ.

Мнѣ кажется, когда взошла заря,
Я видѣлъ — на горѣ бѣлѣли ставки;
Но лѣсъ ихъ скоро скрылъ отъ глазъ моихъ.

Молодый Козакъ.

Какъ весело во мнѣ біется сердце.

1-й Козакъ.

Да отъ чего же такъ?

Молодый Козакъ.

Не знаю самъ.
Быть можетъ, отъ того, что утро красно,
Что вѣтеръ дуетъ такъ свѣжо. Смотри,
Какъ вдалекѣ волнистыми грядами
Ложится утренній туманъ;
Какъ всходитъ солнце, неба великанъ
Увѣнчанный безсмертными огнями:
Вокругъ него, какъ раболѣпный дворъ,
Сѣдыя облака̀ стадятся,
И отъ лучей его злататся;
Но онъ, увы! мой ослѣпляетъ взоръ.

1-й Козакъ.

Зачѣмъ же ты, безумецъ, въ небо смотришь?
Да развѣ на землѣ не хорошо?

Молодый Козакъ.

Земля прекрасна. Свѣтлою росою,
Какъ сѣтью сребряной, покрылися поля:
Но тамъ, подъ твердью голубою,
Все, все прекраснѣй, чѣмъ земля.
Тамъ жаворонка пѣснь такъ сладко раздается;
Играя съ вѣтрами, къ нему, къ царю свѣтилъ,
Орелъ такъ весело несется.
Ахъ! тщетно вслѣдъ за нимъ душа кипитъ и рвется,
У смертныхъ нѣтъ его могущихъ крылъ.

1-й Козакъ.

Ну, признаюсь, престранный ты мечтатель.
Пришло же въ голову съ орломъ летать.
Скажи-ка лучше, черезъ часъ не болѣ
Мы отдохнемъ на время отъ трудовъ.

Молодый Козакъ.

И такъ сегодня я его увижу?

1-й Козакъ.

Кого увидишь?

Молодый Козакъ.

Ермака.

1-й Козакъ.

Такъ что-жъ?

Молодый Козакъ.

О, какъ давно, склоняя слухъ къ разсказамъ
О подвигахъ и славѣ Ермака,
Объ немъ я мыслилъ съ тайнымъ восхищеньем
И я его увижу?

1-й Козакъ.

Что-жъ, глупецъ?
Ты, глядя на него, такимъ какъ онъ не будешь.

Молодый Козакъ.

Стекло горитъ отъ солнечныхъ лучей,
Огнемъ вода холодная сіяетъ,
Не такъ ли взоръ безтрепетныхъ вождей
Сердца бойцевъ младыхъ воспламеняетъ?

Какъ радостно къ боямъ съ сей мыслію летать !
Онъ здѣсь, онъ взглядомъ слѣдуетъ за мною :
Въ его глазахъ какъ сладко побѣждать !
И если смерть намъ суждена судьбою,
Съ его хвалой не тяжко умирать.

1-й Козакъ.

Эхъ молодость, все для тебя прекрасно !

2-й Козакъ (*трепля молодаго по плечу*).

Вотъ молодецъ ! Вотъ истинный Козакъ !

1-й Козакъ.

И ты туда-жъ въ мечтанія пустился.

Явленіе 4.

Кольцо̀. Тимоѳей. Ольга и Козаки.

Кольцо̀.

Мы близко къ цѣли.

Тимоѳей.

Да, Кольцо̀, ты правъ,
Я близокъ къ ней.

Ольга.

Отецъ мой, ты слабѣешь.

Кольцо̀.

Сядь, старецъ, отдохни на камняхъ сихъ.

Тимоѳей *(садится).*

Теперь на нихъ, а завтра ужъ подъ ними.

Кольцо̀.

Ты утомленъ тяжелымъ симъ путемъ.
Ты здѣсь найдешь покой.

Тимоѳей *(съ улыбкою).*

Въ землѣ Сибирской
Онъ ждетъ меня.

Кольцо̀.

Быть можетъ, черезъ часъ
Пройдетъ усталость, возвратятся силы
И мы свой кончимъ путь.

Тимоѳей.

Онъ конченъ здѣсь.

Кольцо̀.

За сей горой, покрытой темнымъ лѣсомъ,
Отсюда близко станъ Козачій скрытъ.

Тимоѳей.

Мнѣ не видать его.

Кольцо̀.

Еще сего дня . . .

Тимоѳей.

Нѣтъ, нѣтъ, я далѣ не могу. Спѣши,
Спѣши, Кольцо̀.

Кольцо̀.

Могу-ль тебя оставить?

Тимоѳей.

Оставь меня; иди, неси къ нему
Дары Царя, прощеніе Россіи.
Скажи ему, его здѣсь ждетъ отецъ;
Не медли!

Кольцо̀.

Я твою исполню волю.
Пойдемъ, друзья. Ты съ сотнею своей,
Бряцаловъ, здѣсь останешься на стражѣ.
Не забывай, мы въ вражеской землѣ,
И Ермака отецъ, его невѣста
Повѣрены тебѣ. Извѣстенъ мнѣ
Твой соколиный глазъ.

Козакъ.

Такъ, будь спокоенъ,
Онъ не задремлетъ.

Кольцо̀.

Вѣрныхъ Козаковъ
Разставь вездѣ, но отойди подалѣ,
Чтобы покою старца не мѣшать.
Друзья, за мною!

(Уходитъ, нѣсколько Козаковъ разстанавливаются вдали.)

Явленіе 5.

Тимоѳей, Ольга.

Ольга.

Какъ ты утомился!
Твои ланиты блѣдны, и уста̀
Какъ будто бы въ страданіи трепещутъ.

Тимоѳей.

Усталостью ты это назвала;
Но, Ольга, есть еще другое имя, —
Оно не сладко для младыхъ ушей,
Но старцамъ долгой жизнью утомлённымъ
Оно пріятно, — это имя смерть!

Ольга.

О Боже! нѣтъ, оставь сіе мечтанье.
Ты только тщетный страхъ внушаешь мнѣ.
Ты утомленъ трудомъ и ожиданьемъ,
И радость жизнь возобновитъ твою.

Тимоѳей.

Такъ юность любитъ льстить себя обманомъ
И истину отъ глазъ своихъ скрывать
Пустыхъ надеждъ блистательнымъ туманомъ.
Ей небомъ данъ прелестный даръ мечтать.
Но мнѣ давно прошла пора̀ мечтаній:
Во гробѣ я стою одной ногой,
А тамъ сіяетъ правды лучь святой,

Безъ темныхъ міра обаяній.
Зачѣмъ же взоръ ты отвращаешь свой?

Ольга.

Зачѣмъ же ты сталъ говорить о смерти?
Я не могу тебѣ внимать безъ слезъ.

Тимоѳей.

Ты плачешь? не уже ль о томъ, что старецъ
Готовится къ прощанію съ землей? —
Ты плачешь? я, ты видишь, улыбаюсь, —
И надо-мной ты можешь слезы лить?
Скажи, что смерть, чтобъ я ея страшился?
Она съ улыбкой подаетъ сосудъ
Исполненный такой чудесной силы,
Что въ немъ мгновенно странникъ пьётъ
Забвенье бѣдъ и грусти и заботъ.
Гостепріименъ темный кровъ могилы
И ласковый хозяинъ въ немъ живётъ.

Ольга.

Скажи, отецъ! когда тебя не будетъ,
За чемъ же я останусь на землѣ?
Не для тебя ли я жила доселѣ,
И безъ тебя что будетъ жизнь моя?
Но я страшусь пустаго: да, я знаю,
Что для меня ты будешь жить еще.
Ты будешь жить для сына. Путь тяжелый
Тебя на время утомилъ.

Тимоѳей.

Ахъ, для чего

Со мною ты его предпринимала?
Зачѣмъ, младая, въ блескѣ красоты,
Оставила ты тихій край отчизны?
Зачѣмъ пошла ты по моимъ стопамъ
Въ сей край угрюмый, дикій и суровый,
Въ пустынную и хладную Сибирь?
О, сколько ты трудовъ переносила,
Какъ былъ тяжелъ тебѣ сей длинный путь!
Ты не вздыхала, ты мнѣ улыбалась,
Я ропота не слышалъ твоего,
Но видны были мнѣ твои страданья
И тайно о тебѣ я слезы лилъ.

Ольга.

Ты плакалъ, ахъ! а я была счастлива:
Съ тобой, отецъ, съ тобою я была!
Чего же было мнѣ просить у Неба?
Мнѣ благъ другихъ вся жизнь не можетъ дать.

Тимоѳей.

Дочь нѣжная!

Ольга.

Ты думалъ — я страдала,
А я была за все награждена
Твоей улыбкою, твоей любовью,
Однимъ лишь словомъ отъ тебя. Скажи,
Уже-ль мечталъ ты, я могла остаться
Спокойная въ своей землѣ родной,
Когда ты сталъ бы по степямъ скитаться
Съ дружиной воиновъ, тебѣ чужой?
Кто, кромѣ Ольги, могъ всечасно мыслить

О старцѣ страждущемъ? Изъ чьихъ бы рукъ
Такъ сладокъ былъ сосудъ съ холодною влагой,
Цѣлитель тяжкихъ недуговъ и мукъ?
Кто сталъ бы пѣснію унылой
Тебя къ покою призывать,
И мигъ его, увы, столь легкокрылой,
Какъ Неба даръ нежданный охранять?
Кто сталъ бы говорить съ тобою
О счастливыхъ минувшихъ дняхъ,
И объ утраченныхъ надеждахъ и мечтахъ, —
Твоимъ слезамъ отвѣтствовать слезою?
Кто могъ бы такъ тебя любить, какъ я?

Тимоѳей.

Да, ты была со мной какъ Ангелъ Неба,
Хранитель, данный мнѣ благимъ Творцомъ.
Ты жизнь мою доселѣ услаждала.

Ольга.

Не говори о прошломъ, мой отецъ.
Смотри въ грядущее. Оно лишь радость
И счастіе тебѣ сулитъ. Ермакъ,
Ермакъ придетъ къ тебѣ. Онъ близко;
Ужъ, можетъ быть, летитъ къ твоимъ ногамъ.
О сладкое, счастливое мгновенье!

Тимоѳей.

Да, если доживу, — но жизнь моя,
Я чувствую, въ груди уже изсякла,
И въ жилахъ сихъ хладѣетъ старца кровь.
Уже-ль умру я не простивши сыну?
О! эта мысль страшнѣе для меня,

Чѣмъ смерть сама! Ахъ, Ольга, Ольга!
Ужель, прошедъ Сибирскія пустыни,
Когда я видѣлъ станъ, гдѣ мой Ермакъ,
Мнѣ должно умереть, какъ жилъ, съ печалью,
И счастія не возвратить ему?

Ольга.

Зачѣмъ же мысль сія тебя тревожитъ?
Но ты усталъ и нуженъ сонъ тебѣ.

Тимоѳей.

Нѣтъ: сонъ земной сихъ взоровъ не закроетъ
Доколѣ вѣчный не придетъ ко мнѣ.
Но жаждой я уже съ утра томлюся;
Быть можетъ, чаша съ хладною водой....

Ольга.

Когда мы шли, я зрѣла въ сей долинѣ:
Какъ серебра живаго лучь,
Въ пещерѣ черной межъ скалами
Сверкалъ студеной влаги ключь.
Я возвращусь сей часъ съ его дарами.

(Уходитъ.)

Явленіе 6.

Тимоѳей (одинъ).

Тимоѳей.

Спѣши, Ермакъ! мои слабѣютъ силы,
Надъ сей главою смерть простерла длань;
Спѣши! приди принять благословенье
Такъ тягостно страдавшаго отца...
Но грудь моя сжимается болѣзнью..
Я чувствую... о Боже! часъ одинъ,
Одинъ еще мнѣ дай изъ чаши жизни,
Чтобъ я могъ зрѣть его, чтобъ могъ, прижавъ
Его главу къ хладѣющему сердцу,
Ему сказать: «будь счастливъ, ты прощенъ!»

(Погружается въ задумчивость.)

Явленіе 7.

Тимоѳей. Ермакъ (вооруженный).

Ермакъ (входя).

Идти на казнь! Что-жъ? поздно или рано,
Я долженъ умереть. Законовъ мечь,
Стрѣла-ль врага, или недугъ тяжелый,
Не все-ль равно, что раздираетъ ткань
Сплетенную изъ горя и печали,
Въ которой радость изрѣдка блеститъ,

Какъ злата нить на рубищѣ страдальца.
Одно мгновенье — и всему конецъ.
Но умереть, и въ гробъ нести проклятье. . . .
Ахъ, эта мысль тяжка! О, мой отецъ,
Какъ радостно бы жизнію своею
Ермакъ твое прощеніе купилъ. . .
Кольцо ужъ близко! Утромъ мнѣ казалось
Какъ будто бы на скатѣ синихъ горъ,
Въ оружья солнце отражалось.
Сомнѣніе несносно: — лучше-жъ я
Пойду на встрѣчу смерти. — Вотъ откуда —
(Увидѣвъ Тимоѳея.)
А, что я вижу? Это не мечта.
Здѣсь старецъ — Русской! Въ глубинѣ Сибири?
Быть можетъ, рабъ, бѣжавшій отъ враговъ...
Какъ видъ его мнѣ сердце раздираетъ!
Въ морщинахъ, на его челѣ сѣдомъ,
На сихъ ланитахъ, въ сихъ померкшихъ взорахъ,
На блѣдныхъ сихъ и трепетныхъ устахъ,
Рукой судьбы написано: »страдалецъ!« . . .
Я подойду. . . Не знаю отъ чего
Я трепещу.
(Подходитъ къ Тимоѳею.)
Скажи, почтенный старецъ,
Кто ты? какою странною судьбой
Ты принесенъ въ Сибирскія пустыни?
Я вижу по одеждѣ, по чертамъ,
Что мы съ тобой сыны одной отчизны,
Которыхъ рокъ умчалъ въ сей дальній край.

Тимоѳей.

Кто я? ты видишь, странникъ престарѣлый

Скитавшійся по жизненной стезѣ,
Но близкій къ цѣли странствія земнаго;
Разбитый челнъ, игралище валовъ,
Который бурей занесенъ далёко,
Чтобъ кончить бѣгъ свой средь Сибирскихъ скалъ.

Ермакъ *(въ сторону).*

Какой я голосъ слышу! Сердце бьется.
Нѣтъ: это было лишь мечта одна.
Ахъ, сей мечтой душа моя полна,
Въ ней гласъ отца всечасно раздается.

Тимоѳей *(покачавъ головой).*

Странна судьба людей! я могъ ли думать,
Что кончу вѣкъ свой въ здѣшней сторонѣ?

Ермакъ *(въ сторону).*

Нѣтъ, быть не можетъ: онъ теперь далеко;
Межъ нимъ и мной пустыни, цѣпи горъ. . .
Одна мечта. . . но это сходство странно!
И тотъ же звукъ рѣчей, и тотъ же взоръ.
(Къ Тимоѳею.)
Ты, старецъ, былъ невольникомъ въ Сибири?
Похищенъ, можетъ быть, въ набѣгахъ злыхъ.

Тимоѳей.

Нѣтъ: я еще недавно изъ Россіи
И никогда въ оковахъ не страдалъ.

Ермакъ *(въ сторону).*

Недавно изъ Россіи? съ каждымъ словомъ
Ростетъ мое смятенье. Нѣтъ, нѣтъ!
Не можетъ быть! Едва четыре года

Прошли съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ я отца;
Онъ былъ еще могущь и силенъ,
Украшенъ свѣжей сѣдиной,
Онъ подымался величавый,
Какъ гордый дубъ, столѣтній Царь дубравы,
Подъ тяжестью снѣговъ набросанныхъ зимой.
Не можетъ быть! Едва четыре года. . .

(къ Тимоѳею.)

И ты одинъ сей дальній путь прошелъ?

Тимоѳей.

О нѣтъ! со мной Козацкая дружина.

Ермакъ.

Дружина? кто же вождь ея?

Тимоѳей.

Кольцо̀.

Ермакъ.

Ты изъ Москвы. . . послѣдовалъ за нею?

Тимоѳей.

Нѣтъ, съ береговъ Оки.

Ермакъ.

Но для чего-жъ
Оставилъ ты спокойную отчизну
И посѣтилъ враждебную Сибирь,
Гдѣ брани огнь еще не прекратился?
Быть можетъ, по велѣнію Царя.

Тимоѳей.

Нѣтъ: сердца гласъ меня привелъ. Въ Сибири
Мой сынъ.

Е р м а к ъ.

Твой сынъ? . . . Козакъ?

Т и м о ѳ е й.

Ихъ Атаманъ.

Е р м а к ъ *(отступая стремительно въ сторону)*

О Боже! это онъ! . . . Куда сокрыться?
Нѣтъ, нѣтъ: останься здѣсь, Ермакъ! Смотри,
Вотъ славный подвигъ твой! Отцеубійца!
Ты свелъ его во гробъ; ты жизнь его
Печалію, отчаяньемъ разрушилъ;
Ты въ грудь его вонзилъ кинжалъ. Смотри!
О горе! на лицѣ его мой взоръ читаетъ,
Какъ въ книгѣ грознаго Судьи Небесъ,
Разсказъ моихъ разбоевъ, преступленій,
Его любви, его страданій, слезъ.
О Боже, не ищи другихъ мученій;
Сей грозный видъ ужаснѣе, чѣмъ адъ.

Т и м о ѳ е й.

О! поспѣши, мой сынъ, приди скорѣе.

Е р м а к ъ.

Что слышу я? Меня отецъ зоветъ!
Увы! отцемъ его назвать не смѣю,
Я проклятъ имъ на вѣкъ.

Т и м о ѳ е й.

Ермакъ! Ермакъ!
Приди принять послѣднее прощенье.

Е р м а к ъ *(въ сторону)*.

Да, я пойду, паду къ его ногамъ!

Пусть онъ проститъ мнѣ, пусть благословенье
Произнесетъ онъ надъ главой моей.
Тогда скажу ему: отецъ! Но прежде
Не смѣю слова произнесть сего.

(Къ Тимоѳею.)

Кого къ себѣ ты призываешь?

Тимоѳей.

Сына.

Ермакъ.

Уже ли хочешь ты ему простить?

Тимоѳей.

Раскаянье и Бога примиряетъ.

Ермакъ.

О, старецъ, у меня въ странѣ родимой
Есть также... ахъ! быть можетъ, былъ... отецъ
И онъ... меня проклялъ!

Тимоѳей.

Несчастный!

Ермакъ.

Небо
Услышало проклятіе его.
Да, также, какъ твой сынъ, я былъ виновенъ,
Но, такъ какъ онъ, раскаялся и я, —
Уже ли мнѣ прощенія не будетъ?

Тимоѳей.

Надѣйся и молися небесамъ!

Ермакъ.

О, я страдалъ, молился, горько плакалъ,

Но сердцу моему покоя нѣтъ:
На мнѣ лежитъ родителя проклятье.
Но онъ меня любилъ. Когда бъ онъ зрѣлъ
Мою тоску, услышалъ бы стенанья,
Которыя въ безмолвной тьмѣ ночной
Изъ сей груди стѣсненной вылетаютъ, —
Свидѣтели страданья моего, —
Онъ сыну бы простилъ. Но онъ далеко.
О будь же ты посланникомъ Небесъ,
Будь вѣстникомъ и мира и прощенья;
Будь мнѣ отцемъ, скажи мнѣ такъ какъ онъ:
Мой сынъ, прими мое благословенье.
Ты видишь, я паду передъ тобой,
(становится на колѣни.)
Я длань твою слезами обливаю,
Простри ее надъ страждущей главой;
Скажи мнѣ: «Небо и отецъ прощаютъ.»

Явленіе 8.

Тѣже и Ольга.

Ольга *(подходя).*

Ермакъ!

Тимоѳей.

Ермакъ?

Ермакъ.

Родитель!

Тимоѳей *(вставая).*

О мой сынъ!
Передъ лицемъ внимающей природы
И Ангеловъ и самаго Творца,
Прими теперь мое благословенье.
Приди-жъ, Ермакъ, приди къ груди отца.

(Обнимаются.)

Ермакъ.

О счастіе! отецъ мой!

Тимоѳей.

Видишь, Ольга,
Что смерть близка. Я сына не узналъ.

Ольга.

Я принесла сосудъ съ водой студеной:
Ты ею жажду утолить хотѣлъ.

Тимоѳей.

Нѣтъ: я ее не ощущаю болѣ,
Я жажду сердца счастьемъ утолилъ.

Ермакъ.

Ахъ, Ольга! Не уже-ль и ты простила?

Ольга *(обнимая его съ слезами).*

Тебѣ отецъ, тебѣ простилъ Господь,
И не отъ горя льются эти слезы.

Ермакъ.

Пусть смерть придетъ: я не страшусь ее.
Прощенъ тобой...

Тимоѳей *(прерывая).*

Ты говорилъ о смерти,
Мой сынъ; она ужъ здѣсь, въ моей груди.
Но подойди ко мнѣ, Ермакъ, приближься;
Ужъ тускнетъ все въ слабѣющихъ глазахъ;
Приближься: я хочу любовь и радость
Еще прочесть въ твоихъ чертахъ.

(Ермакъ снимаетъ шлемъ.)

Но Ольга, посмотри, въ четыре года
Какъ горестно перемѣнился онъ!
Черты всё тѣ-жъ: но гдѣ ланитъ румянецъ,
Гдѣ прежняя улыбка на устахъ?
Ее ужъ нѣтъ! Увы! куда дѣвалось
Веселое сіяніе очей,
Въ которомъ счастье сердца отражалось,
Какъ утра лучь среди зыбей!
Гдѣ роскошь юныхъ тѣхъ кудрей,
Которыхъ русою волною
Его гордилася глава,
Какъ выя молодаго льва
Своей златистою космою?
Какъ ты страдалъ, мой сынъ!

Ермакъ.

О! я счастливъ

Тимоѳей.

И я виновенъ, я своимъ проклятьемъ...
Но, мой Ермакъ, прости, прости отцу,
Онъ былъ несчастливъ также.

Ермакъ.

Мой родитель!

Тимоѳей.

Ты посмотри, и на моей главѣ
Власы сѣдые горе изсушило.
О! ты не знаешь, что̀ на сихъ щекахъ
Бразды глубокія изрыло.
Всё слезы, слезы объ тебѣ, Ермакъ.

Ермакъ.

Какъ строго я наказанъ!

Тимоѳей.

Ты у Ольги
Спроси, какъ плакалъ я; во тьмѣ ночей,
И утромъ, въ полдень, или въ поздній вечеръ—
Что дѣлалъ я? Все думалъ о тебѣ;
Скажу: «гдѣ, гдѣ ты, сынъ мой?» и заплачу горько.
Не правда ли: ты мнѣ простилъ, мой сынъ.

Ермакъ.

Твои слова мнѣ сердце раздираютъ.
Страшнѣе казни нѣжный твой укоръ.
Ты плакалъ обо мнѣ. О! эти слезы,
Повѣрь, огнемъ текли въ груди моей.
И ты любилъ меня еще? преступникъ,
Я не былъ изгнанъ изъ души твоей.
Ахъ, сколько я передъ тобой виновенъ!
И ты мнѣ могъ простить!

Тимоѳей.

Ермакъ!

Зачѣмъ ты рѣчь заводишь о прошедшемъ?
Зачѣмъ ты хочешь раны раскрывать?
Да, мы страдали: но теперь счастливы,
И я могу спокойно умереть.

Ольга.

Ты говоришь о счастьи и о смерти?

Тимоѳей.

Мнѣ нуженъ сонъ по жизненныхъ трудахъ.
Но полно, дочь моя. Я снова съ вами,
Съ тобой, мой сынъ, и все забыто мной:
Прошедшее мелькаетъ предъ очами
Какъ тяжкая мечта души больной.
Не правда-ль? это было сновидѣнье,
Несчастіе не разлучало насъ,
Я не страдалъ, не плакалъ, не томился;
Все было сонъ: но онъ теперь прошелъ.
Скажите. . . *(Примѣтно слабѣетъ и садится на камень.)*

Ольга.

Боже!

Тимоѳей.

Или нѣтъ: молчите!
Я слышу васъ, вы говорите мнѣ,
Что это все обманъ. О! хоть на время
Не разрушайте счастья моего!
Да, мы въ Россіи, тамъ ліется Волга,
Вокругъ меня родимыя поля.
Какъ Небо Русское лазурно надо мною!
Какъ ты прелестна, Русская земля!

Но что же, какъ всегда, вы не садитесь
Здѣсь близъ меня? Приди ко мнѣ, Ермакъ.
Но вы печальны; что же? улыбнитесь,
Вѣдь мы теперь счастливы навсегда.
Мой сынъ, ты знаешь, я люблю разсказы
О томъ, что видитъ твой орлиный взоръ
Вдали, гдѣ все неясно и туманно:
Смотри, что видишь ты на скатѣ горъ?

(Молчаніе.)

Что-жъ ты молчишь? Уже ли сонъ тяжелый
Твои глаза ослабилъ, какъ мои?

Ермакъ.

О нѣтъ, отецъ мой. Изъ дубравы тёмной,
Я вижу, тамъ стрѣлой летитъ олень,
И жадно въ слѣдъ за нимъ, какъ тѣнь,
Несется волкъ сѣдой, огромной.

Тимоѳей.

А? этотъ свѣтъ?

Ермакъ.

А тамъ по Иртышу....

Тимоѳей.

Не говори Иртышъ: скажи по Волгѣ.
Но Ольга, взоръ его, какъ прежде, быстръ,
А мнѣ, не знаю почему, приснилось,
Какъ будто бы я выплакалъ глаза.
Не правда ли? Вѣдь это все пустое.

Явленіе 9.

Тѣже и Кольцо̀ *(съ нѣсколькими Козаками).*

Кольцо̀.

Ермакъ!

Ермакъ *(его обнимая).*

Кольцо̀, родитель мнѣ простилъ,
Теперь готовъ я несть главу на плаху.

Кольцо̀.

И Царь тебя простилъ. Отселѣ ты
Уже не атаманъ, но воевода,
Царя намѣстникъ.

Ермакъ.

Твоимъ словамъ
Могу-ль повѣрить?

Кольцо̀

Здѣсь предъ тобою
Ты зришь дары и грамоту Царя.

(Подаетъ грамоту; Ермакъ, простя, становится на колѣни.)

Ермакъ *(вставши).*

Другъ! этотъ мигъ не лучше-ль цѣлой жизни!
Прощенъ Царемъ, Россіей и отцемъ!
Но мой отецъ! *(На ухо Кольцу.)*
Кольцо̀, онъ умираетъ.

Тимоѳей.

Ермакъ! надѣнь теперь дары Царя;

Пусть я предъ смертію тебя увижу
Блестящаго наградою трудовъ,
Какъ побѣдителя Сибири.

Кольцо.

Броню!

(Козаки окружаютъ Ермака и надѣваютъ на него въ присланные отъ Царя доспѣхи, снявши прежніе.)

Тимоѳей *(приподнявшись).*

Сними кольчугу. *(Смотря на одѣтаго Ермака.)*
Ольга, посмотри:
Какъ онъ въ бронѣ и грозенъ и прекрасенъ!
По дайте мнѣ Царя златую цѣпь,
Я самъ на сына, я ее надѣну.

(Ермакъ становится на колѣна передъ нимъ.)

Подайте мнѣ блистающій шишакъ.

Явленіе 10.

Тѣже и вдали Мещерякъ, Заруцкій и Шаманъ

Мещерякъ.

Такъ завтра снова ты придешь. И помни,
Что вечеромъ я здѣсь же жду тебя.

Шаманъ.

Клянусь святою местью за отчизну,
Я буду здѣсь. *(уходитъ.)*

Мещерякъ.

Заруцкій, посмотри:
Вѣнчаютъ жертву.

(Оба подходятъ къ прочимъ.)

Тимоѳей.

О друзья, смотрите!
Вотъ сынъ мой, мой Ермакъ. Всему конецъ.

(Опять садится.)

Послѣднихъ силъ меня лишила радость.
Я слышу смерти дружескій привѣтъ,
Но сладостно мои сомкнутся вѣжды:
Свершились сердца гордыя надежды,
Я сына зрѣлъ въ вѣнцѣ его побѣдъ.
Скажите мнѣ, не тускнетъ ли свѣтило
Блестящее на высотѣ небесъ?

Кольцо̀.

Нѣтъ! все блеститъ: и холмъ, и лугъ, и лѣсъ,
Сіянье дня поля́ покрыло.

Тимоѳей.

Но, дѣти, все померкло предо мной,
Мой слабый взоръ ужъ васъ не различаетъ.
Придите! — Ольга, ты всегда была
Со мной, какъ даръ небесъ неоцѣненный,
Въ темницѣ жизни чистый рая лучь,
Несчастнаго святое утѣшенье;
И небо наградитъ тебя. Прими
Послѣднее отца благословенье.

(Съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ.)

Ермакъ, Ермакъ, ты царство покорилъ,

И родина твои забыла преступленья:
Объ нихъ ты горько слезы лилъ,
И вышній Царь съ тобою примирился,
И твой отецъ тебя благословилъ.
Но мечь твой кровію невинною дымился,
И кровь за кровь! — Ермакъ! законъ проспилъ?
Но ждетъ тебя измѣны мечь кровавый:
Ужъ въ гробъ твоя склонлется глава;
Умрешь ты скоро; но умрешь со славой,
И память дѣлъ твоихъ останется жива,
И лѣтопись и струны золотыя
Потомству подвигъ твой передадутъ.—
Что слышу я? Какое пѣнье,
Какъ гласы Ангеловъ, несется въ далекѣ?
Я вижу храмъ, въ немъ внемлю я моленье;
О комъ мольбы сіи? объ Ермакѣ!

(Опирается на Ермака.)

Кольцо.

Послѣднее мгновеніе настало.

Тимоѳей *(превыисто)*.

Но что? О комъ вы плачете, друзья?
Отъ радости ліются ваши слезы.
Ахъ! ей теперь полна душа моя.
Я чувствую, прощанье съ міромъ—сладость.
Вы говорите, это смерть? Нѣтъ, нѣтъ;
Друзья... Не смерть... а жизнь... и радость!

(Умираетъ.)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Ночь.

Сцена представляетъ съ одной стороны валъ и станъ Ермака, вдали лѣсъ, а съ другой стороны скалы, близъ коихъ течетъ Иртышъ. Въ станѣ слышна перекличка: Слушай! слушай!

Явленіе 1.

Мещерякъ *встрѣчается* съ Шаманомъ.

Мещерякъ.

А! это ты, Шаманъ; я шелъ къ тебѣ.

Шаманъ.

Готово все; вдоль берега крутаго
Я ратниковъ своихъ въ лѣсу сокрылъ;
Они горятъ нетерпѣливымъ мщеньемъ
И ждутъ тебя.

Мещерякъ.

Какъ! ты, Шаманъ, ужъ зналъ,
Что въ эту ночь его свершится жребій?
Ты не видалъ Заруцкаго, а я
Уже два дни не выходилъ изъ стана,
Кто-жъ могъ тебѣ сказать? Погибли мы,
Коль кто другой проникнулъ въ наши тайны.

Шаманъ.

Спокоенъ будь: онѣ безвѣстны всѣмъ;
Никто еще во всемъ Козачьемъ станѣ
Не могъ узнать намѣреній твоихъ.
Но видѣлъ ты, какъ солнце закатилось?

Мещерякъ.

Оно сокрылось въ облакахъ густыхъ.

Шаманъ.

Ты только зрѣлъ, что дневное свѣтило,
Скрываясь среди бурныхъ тучь,
Края ихъ ярко золотило;
Ты только зрѣлъ, что сизый молньи лучь
Змѣей огнистой извивался.
Но я узналъ, что въ бурю облеченъ,
Сердитый духъ средь молній приближался.
Ты только зрѣлъ, что тусклый небосклонъ,
Какъ дальняго пожара пламя,
Сіялъ и рдѣлъ. Но я узналъ,
Что въ немъ Шайтанъ по вѣтру развѣвалъ
Кровавое сраженій знамя;
И я созвалъ безтрепетныхъ друзей.

Мещерякъ.

Но близко-ль ты сокрылъ свою дружину?

Шаманъ.

Потомъ, когда поля покрыла ночь,
Я зрѣлъ — звѣзда такъ весело блистала.
Но духъ прошелъ; и въ хладной мглѣ пропала
Небесъ сіяющая дочь.

И я заплакалъ: сердце мнѣ сказало,
Что нынѣ смерть постигнетъ Ермака.
Но. . . *(беретъ Мещеряка за руку)*
Я отмщу за падшую отчизну!
Здѣсь, здѣсь въ лѣсу моя сокрыта рать,
Пятьсотъ бойцевъ неустрашимыхъ.

Мещерякъ.

Слушай:
Здѣсь съ Ермакомъ лишь сотня Козаковъ,
Всѣ прочіе въ другомъ остались станѣ
Для охраненья покоренныхъ странъ;
Ермакъ мечтаетъ съ слабой сей дружиной,
Поднявшись вверхъ по брегу Иртыша,
Разпространить свои завоеванья;
И подвигъ сей онъ могъ бы совершить;
Но. . . нынче онъ погибнетъ. Нынче въ полночь
Заруцкій намъ откроетъ входъ въ сей станъ.

Шаманъ.

А стражи?

Мещерякъ.

Онъ обманчивымъ напиткомъ
Ко сну ихъ склонитъ, и тогда, Шаманъ,
Твоя дружина вслѣдъ пойдетъ за мною;
И къ ставкѣ Ермака васъ поведу.

Шаманъ.

Всѣ Козаки погибнутъ!

Мещерякъ.

Какъ? вся сотня?

Шаманъ.

Всѣ, всѣ падутъ!

Мещерякъ.

Нѣтъ, пусть Ермакъ одинъ
Своей главой насытитъ ваше мщенье,
Другимъ оставьте жизнь.

Шаманъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Козакъ!
Погибнутъ всѣ: уже-ль ты можешь думать,
Что разъ вступивши въ спящій станъ враговъ,
Хоть одного мы пощадимъ? Безумный!
Велитъ Шаманъ — и буря замолчитъ;
Но мщенія самъ Рача не удержитъ!

Мещерякъ.

На это не былъ я готовъ. Ермакъ!
Твоей лишь смерти я хотѣлъ: но Боже!
Всѣхъ погубить! Иди назадъ,
Шаманъ, къ своей дружинѣ кровожадной;
Я не впущу васъ въ станъ.

Шаманъ *(съ полунасмѣшкой)*.

Прощай, Козакъ.

Мещерякъ.

Остановись... Съ какой осанкой гордой
Ты выступалъ подъ свѣтлымъ шишакомъ,
Царя намѣстникъ!

Шаманъ.

Что же? ты рѣшился?

Мещерякъ

Какъ онъ блисталъ подъ гривной золотой,
Какъ онъ броней, казалося, гордился!
Онъ говорилъ мнѣ: другъ! Но на устахъ,
Въ глазахъ его, блистающихъ слезами
Надъ хладными останками отца,
Я открывалъ надмѣнную улыбку...
И онъ останется живымъ?

Шаманъ.

Козакъ!
Скажи отвѣтъ послѣдній.

Мещерякъ.

Чтобъ смѣяться
Надъ тщетной местію моей!... О нѣтъ!
Погибнетъ онъ! и я тогда начальникъ
Всѣхъ Козаковъ: изъ Есауловъ я
Всѣхъ старше, всѣхъ славнѣе въ дѣлѣ ратномъ..
Быть можетъ, Царь...

Шаманъ.

Что-жъ медлишь ты?

Мещерякъ.

Шаманъ!
Пусть всѣ погибнутъ; но въ одномъ клянися:
Свободу мнѣ и жизнь оставишь ты?

Шаманъ.

Клянусь: и Рача пусть свидѣтель будетъ,
Что не нарушу клятвы я своей.
Но прочимъ нѣтъ пощады. — А Заруцкій?

М е щ е р я к ъ *(махнувъ рукой).*

Я слышу шумъ. Пойдемъ, Шаманъ, пойдемъ
Туда, гдѣ собралась твоя дружина.

(Взявшись за мечъ.)

А ты, товарищъ мой среди опасныхъ сѣчь,
В разбоѣ смѣломъ, въ лютой брани,
Надежный мой булатъ, о! брата острый мечь,
Ты вѣренъ былъ его могущей длани;
Отмсти-жъ теперь за смерть его,
И утоли не златомъ, не казною,
Но жаркою кровавою росою
Кипѣнье сердца моего!

(Уходитъ въ лѣсъ.)

Я в л е н і е 2.

Е р м а к ъ. К о л ь ц ò.

Е р м а к ъ.

Кольцò, здѣсь должно мнѣ съ тобой разстаться
И на всегда, мой другъ.

К о л ь ц ò.

Какъ на всегда?
Ты черезъ мѣсяцъ возвратиться можешь.

Е р м а к ъ.

Но я не возвращуся. Можетъ быть,

Еще увидишь ты мой прахъ холодной;
Меня тебѣ ужъ болѣ не видать.
И такъ прости, мой другъ, прости на вѣки!

Кольцо̀.

Какой мечтой тревожится Ермакъ!
Ты побѣждалъ досель, зачѣмъ же нынче
Измѣнитъ счастье твоему мечу?

Ермакъ.

Ты слышалъ ли? съ прощаніемъ послѣднимъ
Онъ говорилъ мнѣ: «кровь за кровь, мой сынъ.»
Ты будь слугой Россіи неизмѣннымъ,
Будь счастливымъ и доблестнымъ вождемъ,
Живи всегда хранимый небесами,
Сверши начатое моей рукой,
И помни нашу дружбу. Но — я знаю,
Кольцо̀, ты не забудешь Ермака.
Что-жъ взоры у тебя блестятъ слезами?
Уже ли вѣсть о смерти такъ страшна?

Кольцо̀.

Ермакъ! смѣясь свою бы смерть я встрѣтилъ,
И это въ битвахъ часто видѣлъ ты;
Но пережить тебя — ахъ! этой мыслью
Не отравляй мгновенія сего.

Ермакъ.

Оставимъ же ее на время. Другъ мой!
Ты зрѣлъ гробницу, надъ которой я
Вчера воздвигнулъ памятникъ унылой.
О Боже! для чего я не могу

Съ утра до вечера всегда надъ нею
Стоять въ молитвахъ, въ горестныхъ слезахъ
Надгробный памятникъ, одушевленной,
И ожидать, чтобъ тотъ же самый прахъ
Насъ съединилъ въ могилѣ неизмѣнной?
О мой отецъ! твой сынъ тебя изгналъ
Далеко изъ земли благословенной,
Гдѣ наши предки спятъ, гдѣ ты мечталъ
Послѣднюю ихъ раздѣлить обитель.
Утѣшь меня, утѣшь его, мой другъ,
Коль можетъ горесть знать безплотный духъ —
Небесъ счастливый и безсмертный житель.
Надъ камнями, подъ коими сокрытъ
Отецъ, такъ много отъ меня страдавшій,
Воздвигни храмъ святой; пусть первый крестъ
Блеститъ въ Сибири надъ его гробницей.

Кольцо́.

Твои слова велѣнья для меня;
Но, можетъ быть, ты самъ. . . .

Ермакъ.

Идя къ сраженью
Не должно ли готовымъ быть на смерть?
Ты слышалъ, Ольга хочетъ возвратиться
Въ отечество.

Кольцо́.

Въ отечество? туда,
Гдѣ злобою она была гонима?

Ермакъ.

Но гдѣ теперь отъ всѣхъ ея враговъ,

Ей имя Ермака защитой будетъ.
И для чего-бъ осталася она
Въ странѣ Сибирской, межъ племенъ враждебныхъ,
Гдѣ брани громъ на время лишь умолкъ?
Родитель мой во гробѣ; а со мною
Она навѣкъ, навѣкъ разлучена
Воспоминаньемъ прежнихъ преступленій.
Ахъ! это ли намъ прежде сердца гласъ
И юныя надежды обѣщали?
Когда назадъ я обращаю взоръ,
Не вѣрю я годовъ минувшихъ счастью,
И памяти не вѣрю я своей.
Прошедшее мнѣ кажется мечтою,
Въ прелестномъ снѣ мелькнувшей предо мною,
Но слишкомъ сладкою для бѣдной жизни сей.
Увы! какъ все съ тѣхъ поръ перемѣнилось!

Кольцо.

Но въ сердцѣ Ольги перемѣны нѣтъ!
Среди гоненій, среди тяжкихъ бѣдъ
Въ немъ чувство прежнее хранилось.

Ермакъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ. Въ душѣ ея любовь
Не та, которой силою мятежной
Волнуется младая кровь;
Не та, вокругъ которой сновидѣнья,
И радости и рѣзвыя мечты,
И сладостной надежды обольщенья
Блистаютъ,—жизни ранніе цвѣты.
Нѣтъ: это чувство въ ней давно погасло.

Кольцо.

О нѣтъ, Ермакъ; съ тобой ея глаза
Еще любовію сіяютъ.

Ермакъ.

Такъ Ангелы на смертнаго взираютъ,
Такъ любятъ землю небеса.
Да, мы должны разстаться навсегда.
Она сказала, что на брегѣ Волги,
Въ монастырѣ, гдѣ въ прежніе года
Молились мы передъ святой иконой,
Забывши міръ и жизни суету,
Средь инокинь, въ безмолвіи священномъ,
Она свой вѣкъ молитвамъ посвятитъ.
Счастливая! она увидитъ снова
Родимой Волги свѣтлые брега—
Прелестный край, любимый небесами!
Когда же вѣсть придетъ издалека,
Она услышитъ, можетъ быть, съ слезами
О ранней смерти Ермака.
Пусть съ Ольгою до самыхъ горъ Уральскихъ
Идетъ полсотня Козаковъ; а тамъ
Стоятъ отряды и дружины Пана.
Полсотню Козаковъ отправишь ты
Межъ Иртышемъ и Обію на Сѣверъ,
Чтобъ дань собрать съ кочующихъ племенъ.
Но полночь ужъ близка, темнѣетъ небо:
Дай руку, другъ мой, и прощай.

Кольцо.

Ермакъ!

Не знаю почему, съ тобой прощаясь
На краткій срокъ, моя тѣснится грудь.
Ты вскорѣ долженъ возвратиться снова;
А сердце, можетъ быть отъ словъ твоихъ
Томимое предчувствіемъ печальнымъ,
Мнѣ говоритъ, что никогда съ тобой
Не встрѣчусь я; мнѣ кажется, что нынче,
Что въ эту ночь погибнуть долженъ ты.

Ермакъ.

Нѣтъ; въ эту ночь ты можешь быть спокоенъ.
Чего страшиться мнѣ?

Кольцо̀.

Не знаю самъ;
Но не могу преодолѣть волненье
И тайный страхъ души моей. Ермакъ,
Ты нынче зрѣлъ ли, какъ угрюмъ и грозенъ
На Западѣ вечерній лучъ погасъ,
Какія знаменья намъ ночь явила?
Таковъ всегда бываетъ видъ небесъ
Предъ смертію мужей тебѣ подобныхъ —
Рушителей могущественныхъ царствъ.
Заря горѣла кровію, и звѣзды,
Срываясь съ синей высоты небесъ,
Терялися въ пространствѣ безпредѣльномъ
Лишенныя и блеска и лучей.
Въ глуши лѣсовъ безмолвныхъ, одинокихъ,—
Такъ слышалъ я отъ смѣлыхъ Козаковъ, —
Носился тихій стонъ и звукъ оружій.

Ермакъ.

О, перестань смѣяться надо мной,
И вѣрь, когда я буду взятъ могилой,
Все въ мірѣ будетъ тихо какъ всегда:
И небо не прольетъ росы унылой,
И не застонетъ хладная земля,
И солнца ликъ взойдетъ румянъ и свѣтелъ,
Не думая о падшемъ Ермакѣ.

Кольцо̀.

Но эти молньи, эта буря въ небѣ...

Ермакъ.

Такъ что-жъ? Быть можетъ, небо сей грозой
Гласитъ бѣду Сибири устрашенной.

Кольцо̀.

Сія луна, какъ щитъ окровавленной,
Катящаясь надъ бурною рѣкой...

Ермакъ.

О нѣтъ! она, какъ робкая дѣвица,
Глядится въ зеркало зыбей,
И юной прелести своей,
Краснѣя, тайно веселится.
Повѣрь, Кольцо̀, оставь свой тщетный страхъ:
Мнѣ нечего еще теперь боятъся,
Здѣсь нѣтъ враговъ.

Кольцо̀.

Ермакъ! Въ густыхъ лѣсахъ,

Вокругъ теченья Иртыша, я знаю,
Скрываются остатки ихъ дружинъ.

Е р м а к ъ.

Но ихъ немного. Въ станѣ семъ со мною
Отважнѣйшая сотня Козаковъ.
Уже-ль Остякъ пугливый...

К о л ь ц ò.

Но измѣна.

Е р м а к ъ.

Ея здѣсь нѣтъ.

К о л ь ц ò.

Съ тобою Мещерякъ!

Е р м а к ъ.

Опять! . . . Всечасно ты твердишь мнѣ тоже.
Я знаю, ты давно ужъ съ нимъ въ враждѣ,—
А это чувство часто ослѣпляетъ,—
Но вѣрь мнѣ, храбраго и смѣлаго бойца
Я подозрѣньемъ не обижу.

К о л ь ц ò.

Что же?
Пусть будетъ онъ начальникомъ дружинъ,
Которыя со мною ты оставилъ.

Е р м а к ъ.

Нѣтъ: онъ угрюмъ и дикъ, и на него
Возстали бы Сибирскіе народы;
Ты мудростью и кротостью своей

Вражду потушишь въ ихъ сердцахъ суровыхъ,
И съ властью Русской примиришь Сибирь.

Кольцо.

Не самъ ли ты предчувствуешь погибель?

Ермакъ.

Не отъ него.

Кольцо.

Возьми меня съ собою.
Позволь съ тобою мнѣ идти къ сраженьямъ,
Всегда, вездѣ сопутствовать тебѣ;
Тогда измѣны не страшися болѣ:
Безсонный стражъ и ночію и днемъ
Вокругъ шатровъ, вкругъ дремлющаго стана,
За вѣрность всѣхъ отвѣтствуетъ Кольцо.
Оставь Мещеряка; въ душѣ своей
Питаетъ онъ коварство и измѣну.

Ермакъ.

И если онъ измѣнитъ, пусть падутъ
Двѣ тысячи воителей отважныхъ,
Надежда, слава Русской стороны;
Пусть всѣ погибнуть,—ты, Ермакъ, спасешься.
Не такъ ли, другъ мой? О, Кольцо, Кольцо!
Тебя ли я и твой ли голосъ слышалъ?
О, пусть погибнетъ имя Ермака,
Забытое иль презрѣнное міромъ,
Когда я предпочту не только бытіе,
Но дружбы голосъ, иль любовь, иль славу,
Тебѣ, отечество мое!

Кольцо.

Я вижу, ты погибнуть долженъ. Дружба
Тебя спасти не можетъ. Да, Ермакъ,
Ты обреченъ быть жертвою судьбины!
Прости. *(Жметъ руку у Ермака.)*

Ермакъ *(обнимая его).*

Кольцо, приди къ груди моей.

(Кольцо уходитъ).

Явленіе 3.

Ермакъ *(одинъ).*

Ермакъ.

Кому судьба дала такаго друга,
Тотъ не ропщи на жизнь! Онъ смерть мою
Предчувствуетъ: нѣтъ, это лишь мечтанья,
Мгновенное смятеніе души
Отъ словъ моихъ и грустнаго прощанья.
Я знаю самъ, что скоро я паду.
Надъ всякимъ царствомъ есть хранитель тайный,
Могущій духъ, иль злобный иль благой,
И духъ сей жертвы требуетъ кровавой,
Чтобъ примириться съ властію чужой.
Престолъ Казани! за твое паденье
Россіи мститъ жестоко Іоаннъ!
Пусть о твоемъ свидѣтельствуетъ мщеньи,
Сибирь, одинъ могильный мой курганъ!
Но въ эту ночь мнѣ нечего страшиться,

Моя душа спокойна и тиха,
И грудь моя вздымается такъ смѣло,
Такъ сладостно играетъ въ сердцѣ жизнь.

(Помолгаеъ.)

Какъ я люблю подъ темнымъ кровомъ ночи
Прохладнымъ воздухомъ дышать,
И съ тихимъ вдохновеньемъ очи
Къ лазури неба подымать!
Тамъ звѣзды яркія катятся
Вокругъ невидимыхъ осей;
Онѣ текутъ, онѣ стремятся —
Рѣка негаснущихъ огней.
О стражи соннаго эѳира —
Средь черныхъ и угрюмыхъ тучь
Залогъ спокойствія и мира!
Какъ мнѣ пріятенъ вашъ дрожащій лучь!
Мнѣ кажется, онъ въ сердце проникаетъ,
И силой тайной, неземной,
Усталой груди возвращаетъ
Давно утраченный покой.

Не также ли надъ Волгою струистой
Я въ прежніе года любилъ на васъ взирать,
И юной мыслію, какъ сны младенца чистой,
Въ вашъ свѣтлый сонмъ перелетать?
Но я не знаю, почему сегодня
Онѣ еще прелестнѣе блестятъ?
О мой отецъ! не ты ли присылаешь
Въ сіяньи ихъ неслышимый привѣтъ
И сына къ небу призываешь?

Явленіе 4.

Ермакъ, Заруцкій и часовой Козакъ на стѣнѣ.

Заруцкій *(на стѣнѣ)*.

Червленный, кончены твои часы,
Вы всѣ теперь въ свои идите ставки.

Ермакъ *(подходя къ стѣнѣ)*.

Заруцкій, всѣ ли въ станѣ Козаки?

Козакъ.

Нѣтъ, Мещерякъ еще не возвращался.

Ермакъ.

Но гдѣ же онъ?

Козакъ.

Ужъ будетъ съ часъ, какъ онъ
Въ сей лѣсъ вошелъ.

Ермакъ.

Одинъ?

Козакъ.

Мнѣ показалось,
Что кто-то вышелъ изъ лѣса къ нему,
Но только не Козакъ.

Ермакъ *(въ сторону)*.

А! это странно!

Уже ли правъ Кольцо? Мнѣ долгъ велитъ
Быть осторожнымъ. Я не стану болѣ
Мещерлку такъ много довѣрять.
Тому два дни, съ нимъ видѣли Шамана.
Заруцкій, отвори врата.

(Заруцкій отворяетъ и выходитъ.)

Чтобъ Мещерякъ
Пришелъ ко мнѣ, какъ скоро онъ вернется.
Я спать не буду. Ты, Заруцкій, самъ
Будь бдителенъ. Ты помнишь, отъ тебя
Мы всѣ едва на Тарѣ не погибли.
И отъ того, дѣля награды вамъ,
Тогда я предпочелъ тебѣ Бряцалу,
Хотя ты былъ отважнѣе его.
Но ты съ тѣхъ поръ вину свою изгладилъ:
Будь бдительнѣй теперь.

(Уходитъ въ станъ.)

Заруцкій.

Напоминай
О прежнихъ оскорбленьяхъ: — здѣсь чертами
Кровавыми записаны онѣ!
Вести къ нему Мещеряка? Повѣрь мнѣ,
Въ твою придетъ онъ ставку, но едва-ль
Его привѣтомъ будешь ты доволенъ.

(Уходитъ въ станъ.)

Явленіе 5.

Заруцкій и молодой Козакъ *(оба на стѣнѣ).*

Заруцкій.

Что? весёлъ ли былъ прощальный пиръ? Вино
Лилось рѣками? Что-жъ молчишь ты, Луцкій?

Молодой Козакъ.

Да, пиръ былъ веселъ. Но, не знаю я,
Мнѣ что-то грустно.

Заруцкій.

Скучно быть на стражѣ,
И ночію, когда все въ станѣ спитъ,
Стоять на валѣ, окликая звѣзды,
Какъ будто филинъ или волкъ въ лѣсу.

Молодой Козакъ.

Эхъ, нѣтъ! ты знаешь самъ, что я мечтатель,
И ночь люблю.

Заруцкій.

Не даромъ ты пѣвецъ.

Молодой Козакъ.

Да, я всегда люблю смотрѣть на небо.

Заруцкій.

Оно похоже на́-море.

Молодой Козакъ.

О нѣтъ.
Какъ скоро вѣтръ взмахнетъ сердитыми крылами,
Я видѣлъ, море — зыбкое стекло —
Чернѣетъ дикими валами:
Но небо, ахъ! оно всегда надъ нами
Прелестно, тихо и свѣтло.

Заруцкій.

Вотъ такъ, какъ нынче? Видишь эти тучи
Ревущія надъ нашей головой?

Молодой Козакъ.

Что-жъ? Пусть несутся тучи бурны:
Вдали, смѣяся ихъ грозѣ,
Сіяетъ вѣчный сводъ лазурный
Въ недосягаемой красѣ.

Заруцкій.

Скажи, объ чемъ же грусть твоя? Недавно
Пришелъ ты въ станъ нашъ: можетъ быть, тебѣ
Не нравятся труды военной жизни?

Молодой Козакъ.

О нѣтъ; я радъ войнѣ, и съ Ермакомъ
Готовъ идти на смерть; но что-то нынче
Мнѣ не-весело: будто бы бѣда
Какая-то, иль смерть сама, готова
Меня сразить.

Заруцкій.

Что-жъ? въ нашемъ ремеслѣ

Не далеко до смерти.

Молодой Козакъ.

Я мечтаю
О родинѣ, о матери своей,
Которая меня такъ нѣжно любитъ;
Я думаю о горестной сестрѣ
И...

Заруцкій.

О красавицѣ, не правда-ль?

Молодой Козакъ.

Что же?

Заруцкій.

Идти въ походъ и думать о любви!
Стыдись! Вино твою прогонитъ скуку.

(Вынимаетъ бутылку.)

Возьми и выпей.

Молодой Козакъ.

Я довольно пилъ.

Заруцкій.

И въ жизнь ты не пивалъ вина такого;
Оно въ мгновенье прогоняетъ грусть.

(Молодой Козакъ пьетъ.)

Что-жъ? спой теперь повеселѣе пѣсню.

Молодой Козакъ.

Нѣтъ: въ этотъ вечеръ я никакъ не могъ

Ни головы, ни голоса настроить
На ладъ веселыхъ пѣсенъ.

Заруцкій.

Испытай.

Молодой Козакъ (поётъ, начавъ весело, и кончаетъ грустно).

Какъ свѣжо и какъ весело солнце восходитъ
На широкихъ при-Донскихъ поляхъ!
Но свѣтлѣй, веселѣе надъ хладнымъ кладбищемъ
На бѣлыхъ, безмолвныхъ гробахъ.

(Перестаетъ пѣть.)

Ты видишь, началъ весело, а кончилъ
Какъ будто самъ я жизнь свою отпѣлъ:
Но тяжкій сонъ меня невольно клонитъ,
Глаза мои смыкаются.

Заруцкій.

Такъ что-жъ?
Засни.

Молодой Козакъ.

На стражѣ?

Заруцкій.

Я съ тобою,
И если нужно, разбужу тебя.

Молодой Козакъ.

Не должно-бъ засыпать: но что же дѣлать?
Невольно. — Помни-жъ! разбуди меня.

(Засыпаетъ.)

Заруцкій.

Ужъ онъ заснулъ. Напитокъ необманчивъ.
Другіе стражи далеко; вино
Почти закрыло ихъ глаза, а буря
Покроетъ шумъ шаговъ.

(Ходитъ по стѣнѣ.)

Ермакъ не спитъ,
И, можетъ быть, пойдетъ по стану. — Полночь
Уже прошла и всё они нейдутъ.

Явленіе 6.

Заруцкій, Мещерякъ.

Мещерякъ *(подходя къ стану)*.

Заруцкій!

Заруцкій.

Мещерякъ, все тихо въ станѣ,
Всѣ спятъ, одинъ Ермакъ еще не спитъ
И ждетъ тебя.

Мещерякъ.

Одинъ онъ не спасется.
Но часовой?

Заруцкій.

Онъ спитъ.

Мещерякъ.

Какъ? вѣчнымъ сномъ?

Заруцкій.

Нѣтъ.

Мещерякъ.

Онъ проснуться можетъ.

Заруцкій.

Понимаю.

(Вынимаетъ кинжалъ и убиваетъ молодаго Козака.)

Теперь спокоенъ будь. Готово все.
Но гдѣ-жъ Шаманъ и вся его дружина?

Мещерякъ.

Вотъ онъ идетъ; ты отвори врата.

Явленіе 7.

Тѣже и Шаманъ съ толпою Остяковъ.

Мещерякъ.

Шаманъ, насъ ждетъ Заруцкій. Входъ свободенъ
И смерти онъ не можетъ избѣжать.

Шаманъ *(къ Остякамъ)*.

Войдите тихо, окружите ставки
И ждите знака. Мещерякъ, впередъ!

Веди насъ къ ставкѣ Ермака, съ тобою
Пятьсотъ бойцевъ, такъ не страшись его.

МЕЩЕРЯКЪ.

Заруцкій, стой здѣсь на стѣнѣ у входа,
Но затвори врата, чтобы никто
Не могъ спастися изъ ограды стана,
Гдѣ нами все обречено на смерть.

(Всѣ уходятъ въ станъ и изъ-за кулисъ слышны крики.)

Измѣна! бейте!

ГОЛОСЪ ШАМАНА.

Мстите за Сибирь!

ЯВЛЕНІЕ 8.

НА СТѢНѢ ЗАРУЦКІЙ И ЕРМАКЪ *(съ обломкомъ копья).*

ЕРМАКЪ *(къ Заруцкому).*

Ты живъ? ты здѣсь?

ЗАРУЦКІЙ *(ударяя мечемъ).*

И это мой отвѣтъ!

ЕРМАКЪ *(убивая его, такъ, что тотъ падаетъ за кулисы).*

Измѣнникъ гнусный, вотъ твоя награда!

(Выходитъ изъ стана, опираясь на копье; двѣ стрѣлы вонзились въ его бронь, полученной отъ Царя.)

Они погибли, всѣхъ постигла смерть,

Всѣхъ, всѣхъ! Сія безстрашная дружина,
Съ которой столько разъ я побѣждалъ,
Товарищи моихъ трудовъ и славы...
Погибли всѣ! И я не могъ отмстить!...
О, падшіе друзья! Когда-бъ слезами
Васъ можно было къ жизни возвратить,
Какъ радостно надъ вашими тѣлами
Я кровь бы выплакалъ свою! Одинъ
Я живъ остался: окруженъ измѣной,
Я путь себѣ открылъ среди враговъ,
И въ темнотѣ отъ ихъ сокрылся взоровъ.
Но двѣ стрѣлы въ мою вонзились грудь:
Я чувствую, смертельны эти раны;
Но прежде смерти, можетъ быть, враги,
Какъ слабаго и трепетнаго звѣря,
Меня настигнутъ! и тогда смѣясь
Безсилью Ермака, съ ослабшихъ мышцъ
Они сорвутъ сіи дары Царя,
Чтобъ передать потомкамъ отдаленнымъ
Свидѣтельство побѣды надо мной!...
Иртышъ! ты будь защитникомъ моимъ!

(Входитъ на скалу надъ Иртышемъ.)

Прости, Россія! никогда ужъ болѣ
Не буду я сражаться за тебя!
О Ольга! ты, любимая до гроба,
Прости! Поутру вѣсть къ тебѣ придетъ
О смерти Ермака... и ты, быть можетъ,
Прольешь о немъ слезу...

Явленіе 9,

ПОСЛѢДНЕЕ.

Ермакъ на скалѣ. Остяки и послѣ Мещерякъ и Шаманъ.

(Голосъ одного Остяка *изъ-за кулисъ.)*

Сюда за мною!
Тамъ на скалахъ я вижу Козака.

(Многіе Остяки выбѣгаютъ изъ стана.)

Ермакъ.

Уже ли вы забыли Ермака!

(Всѣ отступаютъ.)

Кто ступитъ шагъ, того къ Шайтанамъ смерти
Въ подземный мракъ пошлетъ моя рука.

Мещерякъ *(выбѣгаетъ, и за нимъ Шаманъ).*

Что-жъ медлите? Стремитесь на утесы!
За мной! Его сразитъ сей вѣрный мечь.

Ермакъ *(бросая въ него копье).*

А! Мещерякъ! возьми сей даръ отъ друга!

Мещерякъ *(упадая).*

О, смерть! друзья, отмстите за меня.

Одинъ Остякъ.

Мстить за измѣнника?

Мещерякъ.

И вотъ... награда.

Одинъ Остякъ *другому.*

Убей его, чтобъ онъ не тосковалъ.

Мещерякъ *(умирая подъ ихъ ударами).*

О! адъ и смерть!

Остякъ.

Но для чего-жъ мы медлимъ?
Ермакъ еще живетъ — къ нему, къ нему!

Шаманъ *(удерживая ихъ знакомъ руки).*

Ты видишь ли, свершилось предсказанье.
Ты, можешь быть, смѣялся надо мной,
И надъ угрозами Шамана;
Но я отмстилъ.

Ермакъ.

Обѣтъ исполненъ твой,
Но не стрѣлой изъ вашего колчана,
Не остріемъ Сибирскаго копья,
Шаманъ, теперь погибну я.

(Подходя къ краю, къ Иртышу.)

Ты видишь, тамъ рѣка клубится...

Шаманъ.

Иртышъ сѣдой,—такъ зрѣлъ я въ вѣщемъ снѣ,—
Тебя вѣнчалъ въ бездонной глубинѣ.
И сонъ таинственный свершится:

Гдѣ между скалъ шумитъ струя,
Вѣнецъ Сибири бросилъ я.

ЕРМАКЪ.

Все кончано. Я въ пристани покоя.
И неподвластенъ вѣтреной судьбѣ.
Прости, земля и жизнь земная!
Прости навѣкъ, отчизна дорогая!
Примите Ермака, онъ призываетъ васъ,
О волны Иртыша сѣдыя!
А вы, услышьте мой прощальный гласъ!
Сибири болѣ нѣтъ: отнынѣ здѣсь Россія!

(Бросается въ Иртышъ.)